

АВТОР

ГОДА

2025

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Автор года – 2025

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Автор года – 2025 / Издательство «Четыре», 2026

ISBN 978-5-908079-55-6

Сборник, который не надо представлять. Премия «Автор года» уже сделала это: она отобрала тексты, которые в прошедшем сезоне читали, обсуждали, на которые ориентировались. На страницах этой книги читатель найдёт имена литераторов современности, их прозу и стихи. У каждого свой почерк, своя оптика, своя смелость. Но вместе они отвечают на вопрос, чем дышит литература сейчас. Без оглядки на тренды, без желания понравиться. Просто тексты, которые заставили профессиональное жюри спорить до хрипоты. А значит, заставят задуматься и вас.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908079-55-6

, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Наталья Бабочкина	7
Сколько можно писать об осени...	8
Грустный вальс	9
Разница	10
Вот так и мы...	11
Не успеваем	12
Время нас не лечит	13
Планы на потом	14
Разговор с Осенью	15
Не измеряй	16
Квинтэссенция	17
Те, кто в душах	18
Какое счастье...	19
Тамара Винэр	20
Дольше жизни	21
Верные навсегда(главы из повести)	24
Глава 6	24
Глава 7	25
Глава 8	26
Екатерина Евстигнеева	28
Несокрушимый свод	29
Пролог	29
Средние века	29
Новое время	30
Новейшее время	32
Эпилог	34
Светлана Иванова	35
Мы отдалились	36
Я знаю, как любовь уходит	37
Сентябрь жмурится	38
Ветер рвёт с деревьев листья	39
Смелей, мадемуазель!	40
Верните назад это слово – любовь	41
Кто украл с небес луну?	42
Андрей Канавщиков	44
Русская душа	45
Каштан	46
Несвежий хлеб	47
«Враги сожгли родную хату...»	48
Елена Козлова	52
Гармонь моя да гармоночкики...	53
Марина Колесникова	59
Восходящее слово	60
«Любите жизнь! Любите всей душой!..»	61
На пороге осени	62
Накануне зимы	63

Петербургские книжные аллеи	64
ПОЭЗИЯ во мне	65
Путешествие на поезде	66
«Стихи Цветаевой так ярко прозвучали...»	67
Марина Левина	68
Почти отличница	69
Девочка в босоножках	71
Марина Ледовская	73
Два жёлудя	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Автор года – 2025. Проза и поэзия
Составитель Ирина Басурманова

© Издательство «Четыре», 2026

Наталья Бабочкина

Родилась в Грозном. Живёт в Москве. Первая публикация состоялась в 1971 году в журнале «Огонёк». Окончила два факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Особой заслугой считает возрождение имени Вукола Лаврова. Соавтор литературоведческой монографии, девятнадцати православных поэм, нескольких сборников стихов, аудиокниги на «Литрес». Член Союза писателей Москвы, литературного клуба «Творчество и потенциал» (СПб.) и «Объединения православных учёных». Номинант и лауреат многочисленных конкурсов, обладатель почётных знаков «Золотое перо русской литературы» и «Литературный Феникс». Первая степень в номинации «Голос Родины» литературной премии «Человек слова» (2024).

Сколько можно писать об осени...

Сколько можно писать об осени?
И по-новому каждый раз?
Мы с тобой все дела забросили,
проводя в прощальный час
этой ржавой листвы кружение,
запах вянущих хризантем...
Леса алое украшение
будет сброшено. А затем

эти листья заиндевелившие
будут снегом занесены,
а деревья осиротевшие
будут ждать, как и мы, весны.
Сердцу – мучиться и надеяться,
что ненадолго холода.
И в хорошее будет вериться,
хоть уносятся прочь года.

Тёплым свитером души греются,
а от дождика зонт спасёт.
И мы верим, что всё изменится
и удачу нам принесёт.
Уж вода леденеет в озере,
осыпаются камыши...
Сколько можно писать об осени?
Сколько хочется. Ты пиши...

Грустный вальс

Когда закружится от счастья голова,
припомни всё, что мы с тобой давно узнали...
Как много мудрости в несказанных словах!
Как много грусти в тех, что мы уже сказали!
Как много страсти в этих взглядах визави!
Как жаль, что не вернуть того, что было прежде...
Как много счастья в ожидании любви!
Как много горести в несбывшейся надежде!
Легко ль ушедшего окликнуть – позови?
Ведь лишь любовь хранит души твоей богатство...
Как много горечи в утраченной любви!
Как много счастья, если уберечь удастся!

Разница

По жизни нам порой недоставало
чего-то, а иного – через край...
Не тот бедняк, у кого всего мало,
а тот, кому всё мало, что ни дай.
Но вдаль по жизни нас ведёт дорога.
На ней порой преград не перечесать...
Богат не тот, у кого всего много,
а тот, кто рад тому, что нынче есть...
Казалось бы, похожие ребята
идут, зажав судьбу в своей руке...
Ведь разница меж бедным и богатым —
она в душе лишь, а не в кошельке...

Вот так и мы...

Корабль отходит дерзко от причала,
отважно свой выстраивая путь.
И он плывёт по морю величаво,
в пути все мели зная наизусть.
Вот так и мы, от юности отчалив,
несёмся смело в дальние края,
оставив наше детство за плечами,
надежду на удачу не тая.
Корабль ждут приливы и отливы,
коварный шторм и беспросветный штиль.
Он всё преодолеет терпеливо,
чтоб в порт приписки вовремя прийти.
Вот так и мы, скитаясь по просторам
и место в жизни трепетно ища,
находим дом, который станет дорог,
куда судьба нас станет возвращать...
Корабль, презрев седые океаны,
моря и штормы, возвратится в порт,
преодолев преграды, шторм и страны,
всем испытаньям верен, жизнью горд.
Вот так и мы, с самой судьбою споря,
ища свой путь и место под луной,
всё победим – и трудности, и горе,
ища причал и берег свой родной.
И что бы кораблю ни угрожало
и как бы ни трепала нас судьба,
всегда любовь в дорогу провожала,
подсказывая главные слова.

Попутный ветер вечно в грудь нам дует.
Родные люди веруют и ждут...
Пусть нам жизнь удачу наколдует,
а годы никогда не подведут!
Корабль плывёт уверенно и твёрдо.
Идя вперёд, не бойся опоздать!
Будь смелым, честным, искренним и гордым.
И пусть вперёд ведёт тебя звезда!

Не успеваем

Опять закат поставит нам на вид,
что до рассвета бегу лет не стихнуть...
А время с такой скоростью летит —
не успеваем к возрасту привыкнуть...
Едва родился – поступаешь в сад,
едва пошёл – как школа за спиною...
А годы ошалевшие летят,
нас облагая дикою ценою
за всё, что выпадает по пути.
Вот выпускной вчера, а ты уж ныне
женатый... сколько лет должно пройти,
чтоб возраст оценили как святыню.
Он, как назло, не хочет тормозить,
несёт стремглав нас к зрелости и дале...
Опять он, словно детям, нам грозит,
поспешно нажимая на педали...
Вот и финал на острие дрожит.
Придёт пора для всех сомнений стихнуть...
С такою время скоростью бежит —
не успеваем к возрасту привыкнуть...

Время нас не лечит

Нет, время нас не лечит от потерь.
Оно порой слегка их притупляет.
От подлости не лечит нас, поверь,
и от того, что боль усугубляет.
Не лечит нас, когда уходит тот,
в ком смысл нашей жизни заключался.
А время что? Пускай оно идёт,
но привкус боли навсегда остался.
Не лечит нас оно и от утрат,
от горечи поступков неуместных.
Не лечит нас от горестных преград.
И я вам говорю об этом честно.
Приходится нам всё переживать.
Страдая, вспоминать про то, что было.
Но память не даёт нам забывать
всё то, чем дорожила и любила.
Нет, время нас не лечит от потерь.
В душе переживаем их, поверь...

Планы на потом

А я привыкла строить планы на потом.
Мне кажется, что Бог их одобряет
и, как умеет, сбыться помогает,
преграды оставляя за бортом.
Скажу вам честно, что без планов жизни нет.
Не хочешь ничего – и словно не жил.
О, как нужны мечты нам и надежды,
и радости осуществлённой свет!..
Но говорят, Его не надобно смешить.
А значит, цели нам не надо ставить.
Да разве можно жизнь, как строчки, править?
А может, надо просто жить да жить?
Но я привыкла строить планы наперёд.
Я верую, что мне Господь поможет,
а потому за всё спасибо, Боже,
Тому, Кто по судьбе меня ведёт.

Разговор с Осенью

Она приходит, хоть её мы и не просим.
Но что поделать, раз настал и мой черёд?
Вот и меня настигла золотая осень.
Ну что ж, входи, держать не стану у ворот.
Садись за стол, я расскажу про всё, что было,
как я мечтала, и любила, и жила.
Я никого, поверь, по жизни не забыла,
гордилась близкими, счастливою была.
Пообещай, что ты со мной не будешь строгой.
Не заливай дождями, солнышком свети,
чтобы и дальше я могла идти дорогой
своей судьбы и не сбивалась чтоб с пути.
Что делать, полдень заменяет добрый вечер,
на смену осени потом спешит зима...
Лист золотой упал так нежно мне на плечи,
как будто Осень всё одобрила сама.

Не измеряй

Не измеряй свою святость грехами других.
Не забывай, что безгрешных не знает земля.
Чтобы упрёков накал непременно утих,
совесть людская должна быть всегда у руля.
Люди грешат, исправляя ошибки свои.
Не заблуждайся и выше себя не считай.
Если живёшь только на параллели любви,
лучше на помощь надежду к себе призывай.
Вера осилит твои заблуждения влёт,
но ты не вздумай её предавать никогда.
Только тогда заблуждение навеки уйдёт,
если не вызвало горечи или стыда.
Не унижай и вовек не кори остальных,
горечь грехов равнозначно меж всеми деля...
Не измеряй свою святость грехами других.
Не забывай, что безгрешных не знает земля.

Квинтэссенция

Без ошибок не станешь мудрей.
Опыт вскоре приходит взамен
всем ошибкам из прожитых дней
и готовит нам путь перемен.
Без синиц не поймать журавля.
Можно только об этом мечтать.
Но наутро поднимет заря
и научит по жизни дерзать.
Никогда ни о чём не жалею.
Не напрасно ошибки даны.
По прошествии горестных дней
сожаленья о прошлом смешны.
То, что пройдено, – это не зря.
То, что выпало, делает нас
всех сильнее. Так утром заря
шлёт улыбку нам счастья подчас.
Опыт – как квинтэссенция дней.
Без ошибок не станешь мудрей.

Те, кто в душах

Идём по жизни, ветрены, беспечны,
отбрасывая чувства и года...
Есть те, кто в душах селится навечно,
хоть больше не увидим никогда...
Но не отнять у нас воспоминаний
о том, чего уже не вернуть,
как отблеск неисполненных желаний,
которым больше никогда не быть.
И запах дней, когда мы вместе были...
И боль потери, что не заменить...
Пусть не вернёшь, но мы не позабыли
былой любви связующую нить...
Душой осиротевшей не пытайся —
не заменить и новых не найти...
Есть те, кто в душах навсегда остался,
уйдя туда, откуда нет пути...

Какое счастье...

А счастье ищем мы не первый год.
Никто другой его нам не заменит.
...Какое счастье, если рядом тот,
кто не оценивает вас, а ценит...
Ах, как прожить на свете без хлопот,
чтоб душу греть заботой и любовью?
...Какое счастье, если рядом тот,
кто не использует, а дорожит тобою...
А жизнь рекой меж пальцев утечёт.
Финал счастливый вряд ли нам известен.
...Какое счастье, если рядом тот,
кто не завидует, а радуется вместе...

Тамара Винэр

Филолог, преподаватель литературы, публицист и прозаик. Родилась в Латвии, с 1998 года живёт в Австрии. Преподавала русский и латышский языки, сейчас обучает русской словесности в международных школах Вены.

Автор шести книг, публикуется в альманахах «Российский колокол», Международного союза писателей и сборниках издательства «Четыре». Финалист национальных литературных премий, член Международной гильдии писателей (Германия) и Интернационального Союза писателей (Москва).

Отмечена орденом «Долг и честь» Московского Фонда мира, медалями «А. С. Пушкин: 225 лет», «Георгиевская лента» к 80-летию Победы. Награждена званием «Человек года» (2024) и звездой «Наследие». Учредитель международной премии «Наш Андерсен».

Дольше жизни

*И дольше века длится день,
И продолжается объятие...*
Б. Пастернак

Линда убирала квартиру после новогодних праздников. Задёргивая шторы на окнах, выходящих во внутренний дворик, замерла от редкой нынче картины снегопада. Как из тёмного зрительного зала – премьера медленного танца снежинок. И чёрная, оттого какая-то сиротская, земля становилась нарядной, радостной. И словно сверху Великий Режиссёр увидел это превращение, и по команде снег повалил быстрее, торопясь наверстать упущенное с осени. В окнах напротив тоже появились зрители. Забытое в Европе чудо природы: снег зимой!

Линда рассмеялась, вернулась к уборке. Рейнис пошёл выносить ёлку на свалку и вернулся раздражённый, сердито топтался в прихожей. Линда снова рассмеялась: ну не любят австрийцы снег! Хотят пасторального «белого Рождества» и отпусков на лыжных склонах с настоящим, не искусственным, снегом. Но снег на улице – это неудобства! В бормотании мужа Линда разобрала не только чертыханье, но и имя Дитмар. Так зовут друга её свекрови Лауры.

Десять лет назад, когда они с Рейнисом впервые пришли познакомиться с его мамой, Дитмар тоже был приглашён. Линда приняла их обоих как сложившуюся пару похожих друг на друга со временем супругов. Но Лаура растила сына одна: когда Рейнису было пять лет, его отец сгорел от рака. К матери сын относился с уважением, переросшим в нежную заботу. Кавалеры яркой Лауры оставались за пределами их квартиры.

В адвокатской конторе Лауры всегда интересно и по-домашнему отмечали и дни рождения сотрудников, и Адвент в преддверии Рождества, пока всех не охватывает паника закупок подарков. Летом выезжали встретить день летнего солнцестояния, и Рейнис любил встречаться с детьми маминых коллег. На один из адвентовских корпоративов кто-то привёл родственника и... Знакомство превратилось в лиричную легенду.

Как Дитмар выхватил у Лауры из рук тарелку: «Потанцуем?» А танцевать хорошо умел только вальс и под все мелодии вальсировал. Как увёл её с вечеринки с богатым столом со словами: «Приглашаю вас на бокал вина». Упорно усаживал Лауру в машину с желанием довезти её до дома, и женщина уселась, потому что остановить этот натиск не было возможности. Завёл двигатель, спросила адрес, и Лаура показала на тот же дом, из которого они вышли: «Благодарю! Считайте, что подвезли!» Офис находился в том же здании, что и квартира.

«Нет, ну так просто я не могу вас отпустить... Момент! У меня есть подарок!» – он открыл свой багажник и стал выкладывать Лауре в руки всё его содержимое.

Лаура в этом месте рассказа добавляла: «Кроме запасного колеса! Мне перепал огромный адвентовский венок со свечами, куда шире моего журнального столика, литр спирта...»

Дитмар: «Российский коллега одарил!»

Лаура: «...пакет деликатесов от Julius Meinl, всё в подарочных упаковках...»

«...ну, это не важно, от кого».

Тот Новый год был непривычно громким в их доме от смеха и импровизированного концерта. Дитмар: «Я не представлял себе, что можно так веселиться!»

Лаура: «Наконец-то моё новое платье оценит мужчина».

Рейнис: «И у меня может быть личная жизнь без чувства вины перед мамой».

Их с Линдой свадебные фотографии запечатлели для семейной истории и счастливых Лауру с Дитмаром. Они так и жили на два дома, но для всех были парой.

...В какой же момент Линда заметила, что свекровь ждёт их дома с ужином, но избегает общения... У молодых свои заботы. Но частыми стали громкие сцены по утрам выходных: кто-то трезвонил в дверь, Лаура выходила в коридор и возмущённо выговаривала. Когда стали недоумённо выглядывать потревоженные соседи, возмутитель спокойствия был впущен в прихожую. Дитмар! Он стоял, виновато опустив голову, с букетом в руках, а рядом горько рыдала Лаура. Она плакала навзрыд, обречённо, с недоумением: «За что?!»

За Дитмаром закрылась дверь, цветы умирали на полу тут же в прихожей, как умирали уже месяцы Лаура. Она говорила будто сама с собой, молодые подливали чай, коньяк, забирали из беспокойных нервных рук то нож, то вилку, усаживали обратно, когда вскакивала, словно вспомнив что-то неотложное.

«Я понять не могла, почему он в кафе или где бы мы ни были так часто отлучается в туалет. Ситуация деликатная, не переспросишь. Пока из женского туалета за стеной не услышала знакомый голос. Такой участливый, проникновенный... Благодарил кого-то за покупку редких лекарств и заботливо спрашивал, как понравились новые журналы. Вышла я, как из ледяной воды: «Я всё слышала». И Дитмар даже с видимым облегчением признался, что женат, что жена больна, что часто лечится в клиниках, тогда и смог быть со мной... Ну, эту банальную историю можно во всех плохих мелодрамах услышать. Только на этот раз это плохое кино – про меня! Я же так любила, что просто места не было для сомнений: как можно мою любовь не ценить! И все истории про запасной вариант – это же не про меня... Это было до вашей свадьбы, он исчез с обещанием всё уладить и появился такой радостный, и я в этой эйфории летала. Вы сами счастливы были, и слава Богу, и никто вашу свадьбу не омрачил. А у меня медового месяца не было: ночью я встала от шума в прихожей. Выглянула, а там ключ на брелке так покачивается, покачивается... Дитмар просто удрал».

Женщина снова расплакалась, на этот раз уже в истерике, повторяя про ключ, который всё качался, качался... Дети молчали, обнимая с двух сторон. Устав плакать, снова продолжила рассказ, и видно было, что ей это несёт облегчение. «Оказалось, жена улетела к детям в Канаду. И часто летала, вот тогда Дитмар и повторял, что он абсолютно свободный человек и как пусто в доме, когда вечером возвращаешься... В общем, весь банальный словесный набор, на который влюблённые дурочки попадают. Я просила оставить меня в покое. Но видите, во что превратились выходные в этот месяц. Ах, он просто хочет меня видеть!» Последние слова Лаура произнесла со злым сарказмом, глядя в сторону прихожей.

Родилась Каролин, и Лауру в её сорок три все принимали за маму, когда она забирала внука из садика, а затем из школы под выходные. Молодые уже жили отдельно, когда родился Матиас. Дитмар не оставлял Лауру в покое, но и не разводился. Рейнис несколько раз натёкся на стоящего у подъезда мужчину. Он уже не решался звонить – просто стоял наудачу: а вдруг увидит Лауру. Его обещания длиною в восемь лет можно было изложить кратко:

«Мы заявление о разводе подали. Вот квитанция».

Через месяц: «Жена тяжело заболела, ну не могу же я...»

Через месяц: «Дети мне не простят, если я...»

И дальше с небольшими лирическими отступлениями. Лаура, прослушав эту словесную карусель пару раз, закрыла не только дверь в свой дом, но и в своё сердце. Оно болело, а от этих Великих Стояний под окнами рана открывалась снова.

Рейнис с Линдой просто проходили молча мимо мужского изваяния. Летом Дитмара выдавала длинная тень, как он ни прятался за колонной дома напротив. Глаза неотрывно следили за балконом Лауры. Зимой обходил дом вокруг, вслед за гаснувшим или зажжённым светом в окнах на обе стороны. Внуки тоже знали дядю Дитмара, который так за бабушкой ухаживает, здоровались вежливо. Каролин, разглядывая презенты дяди Дитмара к Рождеству, которые тот оставлял под дверью, сложила ручки под подбородком и пропела: «Ах, это так романтично!» Если мужчине удавалось за кем-либо из жильцов попасть в дом, он оставлял

ворох цветов, фрукты, книги. Но Лауру не отпускало видение, как он всё покупает в двух экземплярах, и она раздавала все презенты, не разглядывая их. Философы рождаются от обездоленной судьбы.

Лаура вывела формулу, что виноваты не те, кто обманывают, а те, кто готовы выслушивать эту ложь снова и снова. Дитмар не мог спрыгнуть со своей жизненной карусели: сидеть уже неудобно, но так привычно! Не сумел сделать любимую женщину счастливой, но не видеть её хотя бы издали, на мгновение, тоже не мог.

Десять лет прошло. Рейнис сердито подошёл к окну, жестом показал на двор. Линда увидела на освещённой заснеженной площадке среди детей, выбежавших поиграть со снегом, мужскую фигуру. Она притопывала, голова поднималась к окну Лауры. Шапка упала, нашарил под ногами, снова глаза вверх, к освещённому окну. Там, за шторой, – движение. Значит, Лаура тоже глядит на него.

– Рейнис, это невыносимо уже. – Линда умоляюще посмотрела на мужа.

Подбежал Матиас, выглянул во двор:

– Вау, снег! Можно мы с Каролин пойдём играть? А это дядя Дитмар там стоит? А разве он не знает, что бабушки Лауры уже нет?

Верные навсегда(главы из повести)

Глава 6

Дания

Ящик¹

Императрица² совсем затосковала, никуда не выходила, да и не до неё было английским родственникам. От Полякова получили письмо, что благополучно добрался он до Кавказа, куда от красных укрылись и Великая княжна Ольга с мужем и детьми. Видно было, что материнское сердце болело за детей, но решено было сначала добраться нам до Дании.

Этот путь проделали мы на большом торговом корабле, с лёгким сердцем. Императрица радовалась встрече с родной Данией, а я уверен был, что скоро смогу оставить мою государыню в её доме и вернуться со спокойной душой в станицу. Когда подплывали к Эресунду, Мария Фёдоровна всех позвала на палубу и стала рассказывать нам о Кронборге, Амалиенборге, обо всём, что вспоминала и что показывалось на берегу. Мы чувствовали себя одной семьёй, которую здесь ждут.

Пока распаковывали вещи во дворце, который приготовили для императрицы, я всё повторял: «Амалиенбург, Видёре, Видёре». Всё в Видёре говорило о его хозяйках Александре и Марии, все скатерти и все вещи украшены их монограммами. Мария Фёдоровна попросила меня прислуживать ей за обедом, чему я был рад. Сидела моя императрица такая маленькая одна за большим столом. Вдруг в столовой появились двое датчан, сели за стол, обедать не стали. Поскольку Мария Фёдоровна спокойно с ними говорила – и я приглядывал, а когда они ушли, не сдержался, удивился, что не подождали, покуда императрица не пообедаёт. Она рассмеялась: «Привыкай, милый Ящик. Это датские король с королевой». Сконфузился я, но ещё больше удивился: так просто одеты и так без церемоний, а короли! И впоследствии видел, как и моя императрица запросто с внуками за столом сидит, а они смеются да конфетами бросаются. Немыслимая картина в России! А когда датский король на улице ехал на велосипеде и опрокинул лотки с овощами, торговец прикрикнул, как на обычного прохожего. Когда признал своего короля, притих, но тот расплатился с извинениями и покатил дальше. А пока первые ночи спал я перед дверью спальни её величества. Расстелю свою бурку, шашка под рукой, кинжал без ножен в сапоге, дремлю. А прислуга датская сон потеряла, на меня смотреть бегала, как бодигард на старинном паркете перед позолоченными дверями разлётся.

Не один я за службу свою молитву благодарную тому вознёс, кто казацкую бурку придумал. Она свалена из овечьей шерсти и подбита плотно, как войлок, но пушистая снаружи. Ни дожди, ни ветра, ни снега не пропускает бурка. А во время езды на лошади бурка расстилалась покрывалом, и это сохраняло её тепло, будто в палатке едешь. Уже 26 лет моей бурке, а сносу нет. Так и лежал я и на бурке своей, и под нею же. И пока Поляков не приехал, не осмеливался я государыню свою одну оставить в этих незнакомых комнатах.

Днём Мария Фёдоровна по саду гуляла, что не удивительно бы для девушки. А ей всё же 76 лет исполнилось, а с какой лёгкостью к цветку наклоняется! В саду была у неё любимая скамья, где она письма писала. Только раз пожаловалась, что не унеси тогда «те люди» в Крыму при обыске все письма, как бы она сейчас ближе себя чувствовала к Ники! Он же ещё из Тобольска присылал ей короткие письма. Совсем горько обмолвилась, что от внуков

¹ Ящик Тимофей Ксенофонович и Поляков Кирилл Иванович – лейбказаки Николая II и Марии Фёдоровны, последовавшие за ней в 1918 г. в Данию.

² Дагмар, датская принцесса, она же Мария Фёдоровна, мать последнего российского императора.

не было ни одной записки, ни приветов. И замолчала. Фрейлина позже говорила мне, что её величество во всём винит свою невестку. Больно было от остальных родственников узнавать, как провели свои последние дни императорские дети, ведь с ними переписка велась. То правда, за время моей службы вдовствующей императрице, когда от царя письма приходили, никогда не было разговору, что внуки бабке привет передают.

А по грибы как любила ходить! И детей своих, и нас приспособила, так что на кухне у каждого был свой гвоздь, куда мы свою добычу вывешивали для сушки. Да это уже после того, как я доставил из России семью великой княгини Ольги Александровны.

Сердце моё впереди меня бежало к семье моей, оттого дороги и не заметил. Только человек предполагает, а Бог располагает. Не пришлось мне в станицу наведаться, родных обнять. Семья Ольги Александровны уже ждала меня в Новороссийске, а там и корабль отходил на Константинополь. Не всякое судно готово было принять бегущих от новой российской власти, вот я, и правда, едва ступил на родную землю, и снова в море. И великая княгиня, и полковник Куликовский подбадривали меня рассказами о моей семье, всякие мелочи мне маслом на сердце. Младшенький их сынок Гурий, что в доме нашем родился, будто родной мне. В Константинополе прожили мы неделю, ожидая инструкций, затем в специальном вагоне через Болгарию и Сербию в Белград, где семью встретил кронпринц и пригласил остановиться. Я уж рассчитывал обратно ехать в Россию к своим, а Мария Фёдоровна прислала телеграмму приезжать мне в Данию. В российском консульстве легко выдали мне документы для проезда через Вену и Прагу, а только и семья Ольги Александровны получила такую же телеграмму: следовать за бодигардом Ящиком. Так мы все вместе и прибыли в Амалиенбург, дворец отца Марии Фёдоровны, где по причине холодов она и жила. В Видёре не было отопления. Рада была императрица дочь свою младшую подле себя видеть, но, когда обедать садились с гостями – зять Куликовский зван не был. Родом не вышел. Да он по доброте своей всё с улыбкой принимал.

Осмелился я просить императрицу дозволения перевезти в Данию мою семью. Мария Фёдоровна поняла моё стремление, по её просьбе хлопотали люди в посольстве, да затянулось всё на год. Вести страшные через русских беженцев пришли. Жену мою Марфу Самсоновну большевики расстреляли, когда узнали, что в нашем доме укрывала царскую семью. Девять детей наших добрые люди по домам разобрали, укрыли. Потемнело у меня на сердце, сколько дней прятался от людей – не помню. Служба и спасла. И письма от инвалида войны из нашей станицы. Стал я через него передавать посылки и деньги детям. Для старшего, Константина, разрешение на въезд было получено, но умер сынок от тифа. Тут я сам и есть перестал, всё собирал для остальных деток, пока императрица не поговорила со мной: «Мы им живыми и здоровыми нужны». Я будто очнулся: это она про сына своего Николая.

Глава 7

«Не гасите свет!»

Мария Фёдоровна

Снова приходил управляющий королевским хозяйством с просьбой от своего «повелителя». С убедительной просьбой – пользоваться только необходимым светом. Датский король мог бы и не повторять всякий раз, что, по сравнению с другими династиями, он вовсе не богат. Дагмар ещё это хорошо помнила. А Мария Фёдоровна часть дворца, предоставленную в её распоряжение и называемую теперь при дворе «русской частью», приказывала освещать всегда. И после ухода управляющего велела Ящику зажечь фонари и на чердаке, и в подвале. Как не понять им, что только в освещённый дом хочется возвращаться! Ники и внуки вот-вот вернутся, он должен видеть, что его тут ждут даже ночью. В России не могли убить своего царя! Это же естественно, что соблюдены меры предосторожности и царская семья скрывается, их берегут, но время пройдёт – и любимый сын обнимет свою мать, как это получилось с Ольгой.

И чудеса всё же случаются! В букинистическом магазине в России тот материнский молитвенник увидел датский дипломат и успел передать Дагмар (это имя стояло на книге).

Английский племянник, король Георг V, назначил тётушке ежегодную ренту в размере десяти тысяч фунтов стерлингов. Помогать на расстоянии было безопаснее, и родственник долг исполнен. Но оставаться в негостеприимном дворце Мария Фёдоровна более не желала и уже насовсем перебралась в виллу Гвидоэр, которую они давным-давно построили с Александрой. Воспоминания в этом просторном деревенском доме самые светлые. Какие душевные весенние «копенгагенские собрания» европейских дворов здесь проходили! Вот за этим длинным столом с противоположных концов восседали они, сёстры Александра и Мария, с искусными причёсками, торжественные. Детям раздавали подарки, взрослые доброжелательно улыбались друг другу, всем своим видом подчёркивая, что кровные узы крепче дипломатических договоров. Вот здесь было место императора Александра III, цесаревича Николая, а впоследствии царя Николая и рядом – императрицы Александры Фёдоровны. С противоположной стороны места герцога Йоркского (ныне короля Георга V), принцесс Виктории и Мод (нынешней королевы Норвегии). А здесь сидели великие князья Георгий и Михаил, великие княжны Ольга и Ксения, а позже рядом с Ксенией её супруг Александр Михайлович Романов. Тут... И прочая, прочая... Кто же сейчас озабоченно предложил Марии Фёдоровне переехать в Лондон, к сестре, чтобы не хандрить? Как же признаться им, что именно в Лондоне она чувствовала себя всеми покинутой и чужой? Нелепо ревновать Александру к её семье и... к Англии! Здесь же, за полупустым столом, но с письмами от сестры неизменно раз в неделю, они близки друг к другу. «Вечно он забывает надеть пальто!» – это о короле Георге. «Ох уж эти прусские юнкера, все они обманщики!» – сёстры о Бисмарке. «Как счастлива ты, дорогая, надеясь на возвращение Ники. У тебя жива надежда».

Наступил Сочельник 1925 года. Пожилая женщина сидела за длинным столом со списком адресатов и открытками. Никак не могла ни вычеркнуть первое имя из списка, ни перевернуть лист. Вверху значилась Александра, а сейчас её больше нет. За 63 года впервые не могла поздравить любимую сестру! И уходя, старшая сестра позаботилась о младшей: завещала добрую часть своих драгоценностей Дагмар.

Глава 8

«Не спасает корона царская...»

Тимофей Ксенофонович Ящик

Поляков не сумел больше выехать к родным, но вести через людей от семьи получал. Не только нам, простолюдинам, отказывали в визах, но и великие князья рассказывали, как им обстоятельно втолковывают, отчего нежелательны лица царской крови в государствах, признавших новую страну Советский Союз. Что уж про вдовствующую императрицу говорить! Да никуда ей, кроме Англии, и не хотелось.

Как не стало сестры нашей императрицы, редко стала и в город выезжать. По грибы с внуками Тихоном и Гурием ходила да ещё рыбачила, но без азарта. Фрейлина её, когда уходила к ночи от Марии Фёдоровны, слёз не скрывала: тоскует императрица и по сестре, и по Николаю, чувствует, уже не дождаться ей сына. Признаться, в православной церкви Александра Невского, что царём Александром III здесь и открыта была, мы служили панихиду по убиенным, только от её величества это скрывали. Да и я молился за их чудесное спасение. Верю я в крымские ещё рассказы, как царя не в подвал отвели, а ждал его автомобиль, несколько автомобилей для всех. Помогите им, Господи!

Сегодня сопровождал я Марию Фёдоровну в церковь, а после службы и есть не стала, всё лежит. Смотрит, смотрит на портрет супруга своего, и вижу я, что далеко она душой. В последнее время требует постоянного присутствия дочери Ольги, не доверяет никому. Прислали из

Белграда украшенную Мариинским сестричеством мелким жемчужным бисером копию иконы Курской Богородицы, к которой её величество взывает. Просит указать дорогу к детям и внукам. Тут уж и я слёз не могу сдержать.

Если и дочь Ксения из Лондона приехала, и Ольга Александровна неделю не покидала дворца, и брат Вальдемар у двери спальни томится – смурно стало на сердце. Молчали мы с Поляковым. Когда вышел кто-то, не слышал я слов, а знал, что её величества не стало. Подошли мы с Кирила Ивановичем к постели – лежит голубка с Евангелием своим в руках... Скоро и гроб привезли, а как поднимал я её, невесомую, крохотную, прижал к себе... Не заметил никто, как я со своей императрицей прощаюсь, за доброту её благодарю. После гроб перевезли в русскую церковь и покрыли давно не виданным Андреевским стягом и датским флагом. Королевская гвардия сменялась в карауле, а только нас с Поляковым никто не мог заменить у гроба, так трое суток и отстояли.

Екатерина Евстигнеева

Удивительная женщина живёт на родине росписи необыкновенной керамики и золотного шитья в Городце (Нижегородская область). Наталье Фёдоровне Козловой (настоящее имя автора) подвластны и художественная проза, и трепетная поэзия, и нон-фикшн. Будь то фантастические трилогии, стихи, венки сонетов, сказки, рассказы или глубокие научные работы автора – во всём видны талант и целеустремлённость. В рамках проекта «Патриотическая премия» автор представляет поэму «Несокрушимый свод», в которой звучит призыв помнить достижения предков и гордиться своим прошлым. Произведение подчёркивает, что на поле брани, где переплетаются вековые традиции и негибаемая стойкость, Россия всегда черпает силу в единстве своего народа, в его героизме и непреклонном духе.

Несокрушимый свод

Пролог

На поле боя нас не победить,
У россиян – и доблесть, и отвага!
Их с предками соединила нить,
В стране связь поколений не иссякла.

Средние века (476 год – конец XV века)

1

Князь киевский, наш Храбрый Святослав³,
Прославился разгромом каганата.
Хазар он диких войско обуздав,
Понять им дал: на Русь идти чревато!

2

Тонули крестоносцы на Чудском,
Не помогла «свинья», ушли под воду.
Князь Александр⁴ боролся там со злом,
И не прогнулись русские в угоду!

3

А Красного Ивана славный сын —
Донской⁵, что Дмитрий назван во крещение
На Куликовом все и как один

³ Святослав Игоревич (Храбрый) – князь из династии Рюриковичей, правитель Древнерусского государства с 961 по 972 год. Прославился как полководец, известный военными походами против хазар, болгар и Византии.

⁴ Александр Ярославич Невский (1221–1263) – князь Новгородский, Киевский, Владимирский из рода Рюриковичей, полководец и дипломат. Прославился победами в битвах на Неве и Чудском озере.

⁵ Дмитрий Иванович Донской (12 октября 1350, Москва – 19 мая 1389, Москва) – князь Московский (с 1359 года), великий князь Владимирский и князь Новгородский (с 1363 года). Сын Ивана II Красного и его второй жены, княгини Александры Ивановны.

Мамаевцев забили в наученье.

Новое время (конец XV века – 1918 год)

4

Как рвался к морю! Храбро шведов бил
Под Нарвой Пётр Великий⁶, под Полтавой,
А Карл с Мазепой вместе припустил,
Боясь Петра-царя и мести правой.

5

При Рымнике он турок победил
(Суворов⁷ – полководец, сын России).
И «не числом – умением», говорил
Мужчинам, что в отряде боевые.

6

А адмирал, свет Фёдор Ушаков⁸,
У Тендровской косы с османом бился:
«Эскадру ты, Хусейн-паша, готовь!» —
Кричал да ликом в море отразился.

7

Молдавия, Алушта, Измаил,
Бородино... Сражений много славных...

⁶ Пётр I Алексеевич – российский монарх из династии Романовых, последний Царь всея Руси и первый Император Всероссийский. Родился 30 мая (9 июня) 1672 года в Москве, умер 28 января (8 февраля) 1725 года в Санкт-Петербурге. Одной из заслуг Петра стало расширение территории страны в Прибалтийском регионе после победы в Северной войне, что обеспечило Россию незамерзающими морскими портами.

⁷ Александр Васильевич Суворов – полководец, военный теоретик, один из основоположников русского военного искусства. Участвовал в семи крупных войнах, дал более 60 сражений, из которых ни одного не проиграл.

⁸ Фёдор Фёдорович Ушаков (13 (24) февраля 1745 – 2 (14) октября 1817) – русский флотоводец, адмирал. Русско-турецкая война 1787–1791 годов. Ушаков одержал ряд побед над значительно превосходящими силами противника.

Кутузов Михаил⁹ руководил.
Побед семёрку не забудем давних.

8

Нахимов¹⁰ из Смоленска родом был,
Он – флотоводец, что повёл к Синопу
Линкоры, бриги, турок с силой бил!
Удар был, поразивший всю Европу...

9

В порту Чемульпо шёл неравный бой —
Не сдался наш «Варяг», а смелый Руднев¹¹
Примером показал своим герой,
Бояться что не надо вражьих ульев.

10

Брусилов¹² – генерал, кавалерист,
Его Империя Российская достойна.
Брусиловский прорыв – и, враг, молись,
Ведь стойкость русских, как всегда, убойна.

Итоги долгой Первой мировой:
Трясёт весь мир, империи распались.
Кровавой шли, нечестною тропой,
Борясь за власть, ни с чем мы все остались.

⁹ Михаил Илларионович Кутузов (с 1812 года – Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский) – русский полководец, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией во время Отечественной войны 1812 года.

¹⁰ Павел Степанович Нахимов – русский флотоводец, адмирал (27 марта 1855 года). Известен морскими подвигами во время Крымской войны и других сражений.

¹¹ Всеволод Фёдорович Руднев – контр-адмирал Российского Императорского Флота, герой Русско-японской войны (1904–1905).

¹² Генерал Алексей Алексеевич Брусилов – русский военачальник Первой мировой войны.

Новейшее время (с 1918 года по настоящее время)

11

Фашисты вторглись в наш СССР.
«Война! – кричат. – Беги, беги, тут ужас!!!»
Доволен Гитлер¹³, подлый изувер!
Где крепость Бреста – взрывы стены рушат.
Во всех стихиях мы за жизнь дрались.
Приказ на море отдан Кузнецовым¹⁴:
«В атаку, флот! Умри или борись!
Вперёд! К Победе! Пли уже дюймовым!»

И в небе бой, немало там заруб!
Кунгурцев, Глинка, Александр Ефимов,
Покрышкин и Гулаев, Кожедуб¹⁵
Громили за своих и побратимов.

12

С японцем¹⁶ битвы двадцать три лишь дня,
Как вихрь, светясь огнём, прошли пылая.
А Хирохито, небо прокляняя,
Увидел, пала рать как самурая.

Развеян миф Квантунских мощь-армад,
Громя, сквозь сопки танки шли разгоном:
«Японец, эй! Отодзо, чёрт, Ямад!»¹⁷
Жди, Василевский¹⁸ едет с батальоном!!!»

¹³ Адольф Гитлер – немецкий государственный и политический деятель, один из основоположников национал-социализма, диктатор Германии с 1933 года до своего самоубийства в 1945 году.

¹⁴ Николай Герасимович Кузнецов – советский военно-морской деятель, Адмирал флота Советского Союза. В 1939–1947 и 1951–1955 годах возглавлял советский Военно-морской флот. Герой Советского Союза.

¹⁵ Кунгурцев, Гулаев, Глинка, Ефимов, Покрышкин, Речкалов, Кожедуб – одни из лучших советских асов времён ВОВ.

¹⁶ Советско-японская война – вооружённый конфликт в августе – сентябре 1945 года (официально – с 12 августа по 2 сентября) между Советским Союзом и Монголией, с одной стороны, и Японской империей и Маньчжоу-го, с другой.

¹⁷ Отодзо Ямада (6 ноября 1881 – 18 июля 1965) – генерал Императорских вооружённых сил Японии, командующий Квантунской армией.

¹⁸ Александр Михайлович Василевский – советский полководец, Маршал Советского Союза (1943). Один из крупнейших полководцев Второй мировой войны, единственный военачальник, формально не потерпевший ни одного поражения в Великой Отечественной войне.

13

Опять война и десять лет... Афган¹⁹.
Мужчины вновь Союза погибали:
Андрей, Петро, Талгат, Наиль, Иван...
Ребят уносят скалы в дали...

Кабул. Дворец Тадж-Бек в огне опять.
«Шторм три, три, три» здесь и спецназы «Альфа»²⁰.
«На штурм!» – Востротин дал своим понять,
Врагам играет автоматов арфа.

И Громов точный «лабает аккорд»,
Звучит с небес презлющая гитара:
Бомбит Салангу наш советский борт,
«Тайфун»²¹ со вкусом пыли и кошмара.

Смешались смерть и жизни, и чины,
В Небесном войске много стало новых...
И шрамы на сердце большой страны...
Афганской хмурых дней войны суровых.

14

И лишь успели как-то все вздохнуть,
Чечня²². Конфликт. И в деле федералы.
А в Грозном кровь... И снова эта жуть...
В Аргуне, Сунже много испытали...

Кипят бои, которых нет в вестях,
Где каждый камень – это шаг смертельный.
Собрались банды на крутых путях:
Мишень – Кавказ, ведут огонь прицельный.

«За ВДВ!» – кричат и держат строй
(Туда зелёных срочников бросают).

¹⁹ Афганская война продолжалась с 25 декабря 1979 года до 15 февраля 1989 года.

²⁰ Штурм дворца Амина («Шторм-333») – спецоперация по захвату дворца «Тадж-бек» в районе Кабула «Дар-Уль-Аман» и ликвидации председателя Революционного совета Афганистана Хафизуллы Амина, проведённая силами спецподразделений КГБ СССР («Альфа») и Советской Армии 27 декабря 1979 года (в том числе 9-я рота 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка под командованием гвардии старшего лейтенанта Валерия Востротина).

²¹ Операция «Тайфун» проходила с 23 по 26 января 1989 года в провинциях Парван, Баглан и Кундуз против отрядов Исламского общества Афганистана. 23 января 1989 года артиллерия и штурмовая авиация 40-й армии генерал-полковника Бориса Громова нанесли удар по позициям душманов в районе перевала Саланг. Авиация нанесла удары с воздуха.

²² Первая чеченская война (11 декабря 1994 года – 31 августа 1996 года).

Вчера – учебка, а сегодня – бой,
Фролов, Оборин... в схватке погибают.

Волна опять и тучи над страной²³.
Гудит Моздок, бои у стен Рахаты.
У Ботлиха отряд, встаёт он в строй,
В дыму, в крови, в кольцо огня зажатый.

А вертолёты сеют смерть с небес,
И «Грады» бьют по скалам с диким воем.
В округе всё сплошной гнилой абсцесс,
И выжил кто, становится героем...

Лежать в горах, где правит тишина,
Остались парни – brave солдаты.
Их помнит мать и вся моя страна...
Им – вечный сон и не страшны гранаты.

15

Спокойно жить недолго нам пришлось,
И строит козни мира зло гнилые.
Не елось дьявольщине, не спалось,
От слова «пропасть» планы их дрянные.

Держись, Отчизна! Снова победим!
Но на полях сражений погибают
Арсений и Риназ, Эрхан, Трофим...
От горя жёны их и дети завывают...

Господь, спаси, чтоб крови не лилось!
И Божья Матерь, были б все живые!
Чтоб в небе снова солнышко зажглось,
Молитесь за Россию, все Святые!

Эпилог

Нас в деле ратном вам не одолеть!
Вне поля брани тоже – не старайтесь!
А кто с мечом, так припасли мы плеть!
Дружи с Россией – выход лучший найден!

²³ Вторая чеченская война (7 августа 1999 – 16 апреля 2009 года).

Светлана Иванова

Светлана Леонидовна имеет высшее образование, считает поэзию мелодией души, пишет лирические стихи и стихи для детей.

Состоит в Российском союзе писателей (Москва), в литературном клубе «Творчество и потенциал» (СПб.), является лауреатом премий: «Ева. Хранительница», «Человек слова» (2025) в номинации «Волшебный мир детства», включена в «Справочник современных детских писателей», является финалистом премии «Наследие».

Удостоена различных наград, среди которых: звезда «Наследие» II ст., орден «Хранитель традиций», знаки «Золотое перо русской литературы» и «Искусство слова», медаль «Святая Русь», почётное звание «Гражданин литературы».

Авторские сборники: «Мелодия души», «Розовые розы», «Снеговик спешит на праздник», «Шёпот звёзд», «Хочу в Париж!».

Мы отдалились

Мы отдалились, вот беда,
С тобой не слышим мы друг друга.
А может быть, не навсегда
И это всё метель-хитрюга?

Она ко мне вдруг замела
Горячих чувств дорожку снегом,
Любовь с собою унесла
Ту, что была нам оберегом.

Но как же так? Тебе налево?
А мне теперь одной вперёд?
Зима не ведьма – королева,
Всё снегом белым занесёт.

А может, всё же попытаться
И растопить непрочный лёд,
Чтобы совсем нам не расстаться?
И чувств букет вновь оживёт?!

Давай мы вспомним нашу встречу,
Тогда пришла любовь весной!
В душе вновь птицы защебечут,
И вспыхнет небо синевой!

Нет, всё, ушёл – зимы заслуга,
Покрылось сердце коркой льда.
Мы отдалились друг от друга,
Теперь уж точно навсегда.

Я знаю, как любовь уходит

Я знаю, как любовь уходит,
Неслышно растворяется в делах,
Забудет позвонить сначала,
При встрече нет улыбки на губах.

Глаза отводит вдаль и вновь спешит,
Забудет пожелать спокойной ночи,
Наутро мимо пробежит
И вместе кофе пить со мной не хочет.

Я знаю, как любовь уходит:
Из сердца, из души и мыслей враз,
При разговоре тему переводит
И делать всё вдруг станет напоказ.

Смешны неловкие её шаги,
Нелепость брошенных каких-то фраз:
Нелестные они и могут быть резки
О том, что видимся в последний раз.

Тихонько, шаг за шагом, и ушла
В другие параллели и пространства.
Она другой себе путь избрала,
Чтоб даже в памяти не возвращаться.

Сентябрь жмурится

Вновь бабье лето сентябрю
Шептало тихо: «Я люблю...
Ты погоди, не уходи,
Со мною рядом посиди.

Ещё тепла двоим нам хватит,
Не скоро песню дождь зарядит
Про осень хмурую в ночи.
Скажи мне что-то, не молчи!»

Сентябрь жмурится, смеётся
И днём всё ближе к лету жмётся.
Но только солнышко за тучку —
Он чемодан берёт за ручку.

С деревьев враз срывает листья,
Сменив за ночь лесов обличье,
Шагает в сторону зимы,
От лета прячась за холмы.

Но утром солнце выйдет вновь,
Вернётся к ним опять любовь.
Сентябрь кружит в танце лето,
И песня их ещё не спета.

Летит по ветру паучок —
Пора надеть нам свитерок.
Уже становится прохладно,
Но всё ж любовь нам их приятна!

Ветер рвёт с деревьев листья

Ветер рвёт с деревьев листья,
Хлещет дождиком в окно,
И от нас походкой лисьей
Осень скрылась всё равно.

Мы её не удержали
В рыжей праздничной красе,
С каждым днём всё исчезали
Краски яркие в росе.

Ах, зачем наряд твой рыжий
Ветру голову вскружил?!
Листья все сорвал бесстыжий
И деревья обнажил!

Растрепал наряд он яркий,
Листья в лужах утопил,
Поцелуем своим жарким
Проводить тебя спешил!

Поутру проснувшись рано,
Видим чудо за окном:
Первый снег среди тумана
Скрыл всё белым полотном!

Смелей, мадемуазель!

Сеньора, стойте поровней!
Расправьте плечи, голову повыше!
Сотрите слёзы побыстрей,
Смотрите томно, как с афиши!

Наденьте шляпку и вуаль!
За ней слезинку спрятать можно...
Ну, а с лица свою печаль
Сотрите сразу!.. Пусть и сложно...

Сеньора, помните, вы – Та,
С кого нельзя глаз отвести!
Вы для художника мечта,
Мадонна... только во плоти!

Не надо слёз! Оставьте плакать!
В глазах зажгите счастья блеск!
В груди обида? Исцарапать
Так рвётся и устроить всплеск?!

Вы успокойтесь – всё прошло...
Любовь сгорела – не вернуть...
Осталось зло? Так нужно что?
Скорей его перечеркнуть!

О прошлом думать позабудьте!
Идите прямо... на дуэль!..
Свои там мысли пристрелите —
Смелей, смелей, мадемуазель!

В груди болит? Нельзя вздохнуть?
Да что вы?! Это встречный ветер...
Найдите силы грусть смахнуть,
И снова вашим будет вечер!

Верните назад это слово – любовь

Верните назад это слово – любовь,
Пусть снова, как прежде, кипит в жилах кровь.
Пусть снова романтика в жизни случится,
Стихи сочиняются, ночью не спится.

Зачем называем любовь – отношением?
Ни физикой здесь не решить, ни сложением.
Зачем принимали такое решение?
Мечтам и стихам, романтизму крушение.

Верните назад это слово – любовь,
Ромашки и розы подарят пусть вновь,
Пусть встречи вернутся опять под луной,
Поются романсы любви неземной.

Кто украл с небес луну?
(По мотивам произведения Н. В. Гоголя
«Вечера на хуторе близ Диканьки»)

В тёмном небе звёзды пляшут,
Зазывая Рождество,
И, конечно, путь укажут,
Превратив всё в волшебство!

Кроме звёзд, не видно в небе
Света яркого луны.
Звёзды там кидают жребий,
Где искать её следы?

Тихо ночь спустясь на хутор,
Всё окутала вокруг,
Без луны там нет уюта,
Гонит звёзды, словно слуг,

Чтоб искали лунный след
Ночкой тёмной в Рождество,
Чтоб настал парад планет!
Но вмешалось колдовство...

Чёрт лихой скользнул на небо
И луну стащил с небес,
Как-то вышло всё нелепо...
Ну чертило! Ну же бес!

А Солоха в бусах ярких
Ужин стряпала в печи,
От углей согрелась жарких
И ждала гостей в ночи.

Вышла в сени, покрасневшись
И схватив с собой метлу,
На неё легко усевшись,
В небо тёмное скользнув,

Звёзды с неба собирала
И, бросая их в рукав,
На просторе всё летала,
Звёзды все перемешав.

Глядь, нет месяца на небе,
Стало тускло и темно...

Ветры снежные свирепы —
Приближалось Рождество!

В ночь собрался Чуб явиться,
Что захаживал не раз,
И Солоха превратится
В молодую, рассмеясь.

Перед зеркалом крутилась,
Платье новое надев,
И в окно не раз гляделась,
А потом и вышла в хлев...

– Кто стучится там впотьмах?
В Рождество ко мне, что ль, гости?
Раз примчались впопыхах,
Заходите, не елозьте!

Только чёрт явился в дом,
За дверями снова шорох.
Кто идёт там напролом?
Не плутает в коридорах?

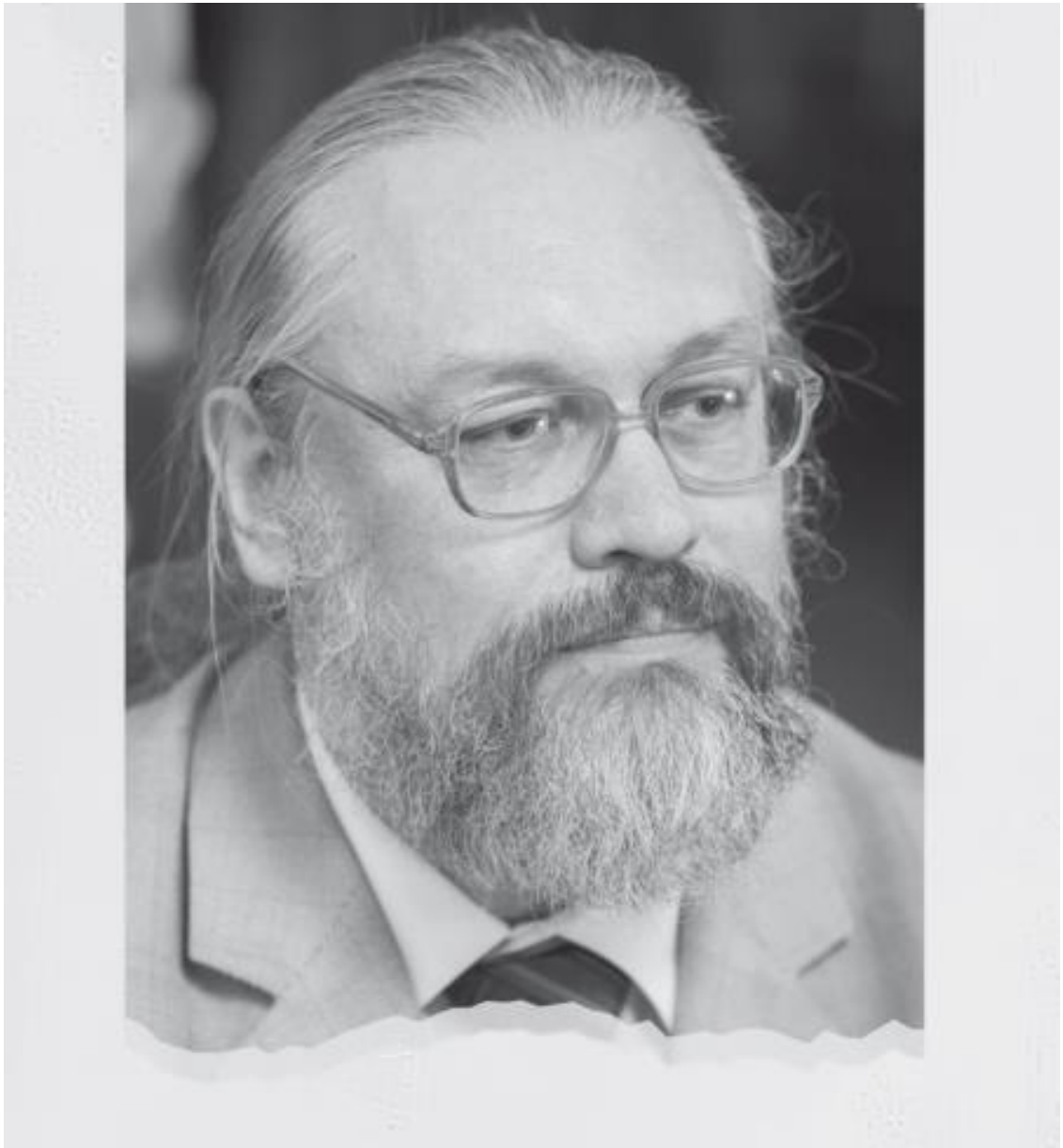
Кто же это? Голова?
– Прячься, чёрт, в мешок скорее!
Чёрт залез едва туда,
Голова уже у двери!

– Ну, Солоха, привечай!
Наливай горилки, что ли?!
Ну, на край, давай уж чай,
Наливай скорей поболе!

Только чарку поднесла
Голове, как полагалось,
Снова шорохи с крыльца,
Но она не растерялась...»

Продолжение следует...

Андрей Канавщиков

Член Союза писателей России. Заслуженный работник СМИ Псковской области (за № 001). Со стихами, прозой, литературной критикой и публицистикой печатался в газетах «Литературная Россия», «День литературы», журналах «Смена», «Север», «Аврора», «Дон», «Даугава», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Невский альманах», в «Литературной газете».

Председатель литературно-художественной творческой группы «Рубеж». Автор 50 книг. Лауреат всероссийской литературной премии «Сталинград», международной литературной премии «Чернобыльская звезда», всероссийской премии им. А. К. Толстого, международной премии им. С. А. Есенина «О Русь, взмахни крылами!» и др.

Русская душа (из рассказа «Неидеальные»)

Действительно, в чём наш секрет и что это такое – русская душа? Ответ просился сам собой: русский человек никогда и ни на что не надеется. У него нет понимания, что кто-то придёт, поможет, поддержит.

Русский человек всегда надеется только на себя. Он принципиально никогда не ждёт подкрепления или помощи. Придёт долгожданная помощь – хорошо. Кто ж от помощи отказывается? Ну, а не придёт помощь, русский человек точно так же встанет один против колонны танков или будет выполнять пятилетку в четыре года.

Русскому человеку не важно, сколько врагов против него. Он знает на уровне подсознания, что есть только он и враги вокруг и расклад зависит лишь от него одного. Из этого вытекает и отсутствие боязни смерти, поскольку нельзя умереть дважды.

Русскому человеку безразлично, кто сейчас его царь, президент или начальник. Он уважает своего начальника «на всякий случай», но верит в глубине души только своей картошке да солёному огурцу. Так как начальник как помощь может быть в наличии, а может не быть, и поэтому нужно готовиться к самодостаточному бытию.

Русский человек – это и есть самодостаточное бытие. Вырастил свинью – есть мясо и тушёнка. Не вырастил – ничего нет, но завтра обязательно будет. Русский человек не волнуется о своём бытии, поскольку он сам и есть своё бытие, свой центр. Не «эго» западное какое-то, с лежаками психотерапевтов с томиками фрейдера под подушкой, а именно центр мироздания, внук Дажьбога.

Русский мужик изначально должен быть печником, плотником, шорником, сапожником, поваром, физиком-ядерщиком. Иначе он – не русский мужик. И не виноват у него никто и никогда. Он сам во всём виноват, потому что никого достойного себе и конкурентоспособного русский мужик в диаметре тридцати километров не видит.

Каштан

Мальчишке лет десять, максимум двенадцать. Он бежит по аллее и подошвами новеньких кроссовок давит глянцевые каштаны, которые выпали из своей колючей тёмно-зелёной скорлупы при падении.

Каштаны смачно хлюпают под ногами. Мальчишка веселится. Густой сок вместе с ошмётками плодов разлетается по сторонам.

Невольно холодею от увиденного. Вспоминаю, как мы гонялись за этими, такими красивыми каштанами. Мы по-настоящему охотились за ними, чуть ли не выжидая момент их падения, любовались их глянцевым блеском, разглядывали их причудливые узоры. А на ощупь каштаны напоминали драгоценные камни, холодноватые и изысканные.

Ещё помню, что даже в касе домоуправления стояла хрустальная ваза, доверху наполненная свежими каштанами. Они тускло блестели через хрусталь, и я любовался ими всё время, пока мать стояла в очереди.

Зачем сейчас мальчишка давит нашу давнюю гордость и радость? Должна же быть какая-то причина?! Ищу и не нахожу этой причины. Она непонятна мне, как и его удаль, беспричинное веселье.

Рядом на асфальт зелёным мячиком падает новый каштан. Мальчишка бежит к нему со всех ног. Кажется, вовсе произвольно нагибаюсь и прячу блестящий кругляшок себе в карман. Не раздавишь!

Мальчишка тяжело дышит. Он ничего не понял. Беззвучно его губы проборматывают какое-то ругательство в мой адрес.

Оборачиваюсь и иду в противоположную сторону парка. Ощупываю в кармане нежный глянец каштана. Логика нерушима. Мир стоит на китах и черепахах. Чувствую спиной, что мальчишка бежит где-то рядом, но всё дальше и дальше. Осень.

Несвежий хлеб

Когда ли дед Федот ни ходил в соседнюю деревню покупать хлеб, он всегда приносил его чёрствым. Поначалу думали, что это автолавка душит народ честной. Потом стали над дедом беззлобно подтрунивать: дескать, ты пораньше на сутки за хлебом выходи. А когда и шутить надоело, приступили к деду с серьёзным вопросом, ведь это ж и в самом деле надо уметь.

Дед Федот беспомощно улыбнулся, помолчал тепло, занятый какой-то своей сокровенной мыслью, и сказал обезоруживающе веско:

– А я всегда хлеб чёрствый беру. Кто его, кроме меня, возьмёт, а хлеб – он всегда хлеб. Он плохим не бывает.

«Враги сожгли родную хату...»

Мы были шефами, и колхоз выделил на всех для жительства кирпичный дом на три комнаты с кухней. Во всех комнатах стояло два десятка железных панцирных кроватей с матрасами. В стенах были вмазаны две круглых печи.

Ни половиков, ни занавесок на окнах, ни мебели, кроме тумбочек больничного типа на человека. Скромно. Но какой-то бытовой шик и не нужен был, так как мы появлялись здесь только к вечеру. Помыться на ближайшей колонке, развесить на кухне мокрые майки, расставить мокрые сапоги и улечься спать.

Колхоз не ленился использовать труд шефов. Мы косили траву, сушили ячмень и овёс, грузили лён... К вечеру все успевали по-настоящему устать, так что первую неделю вопрос свободного времени попросту не стоял. Только самые-самые молодые сходили один раз в местный клуб на индийский фильм, да два человека завели себе зазноб.

Но по-настоящему вопрос отдыха обострился в воскресенье. Колхоз милостиво предоставил нам выходной, и два десятка здоровых мужиков оказались предоставлены сами себе.

Начать с того, что все деньги, которые имелись в наличии, давно были потрачены на водку в местном сельпо, а водка выпита в первые два дня. Значит, отдыхать нужно было уже более творчески.

Загулять с барышнями реальным вариантом не представлялось, так как драться с местными никто не хотел, а слухи о сифилисе, который привёз из колхоза на завод один из наших предшественников, весьма способствовали воздержанию. Поэтому кто пошёл купаться на речку, кто метал в стену дровяного сарая топор, кто лежал на кровати и вслух мечтал поставить бидон браги.

О браге, впрочем, мечталось тоже платонически, поскольку для вожделенного напитка нужны были и сахар, и дрожжи, а деньги кончились чрезвычайно быстро.

Как спасенье, в сарае нашёлся ветхий проигрыватель марки «Рекорд» и две гибких пластинки с двумя песнями. Как они там оказались, сложно было даже представить. Одна пластинка представляла собой продукт кустарной звукозаписи с «Конями привередливыми» Высоцкого – видимо, кто-то записал её на рынке, там прямо справа от главного входа в перестроечные годы стоял киоск звукозаписи, маленькая будка, где бойко торговали гибкими пластинками с Высоцким, Визбором, Окуджавой, а из рок-групп особенно часто записать просили «Карнавал» с Кузьминым и Барыкиным.

Вторая пластинка была более неожиданной. На ней даже значились координаты журнала «Кругозор». Причём если одну сторону испещряли причудливые царапины, то вторая оказалась годной к прослушиванию. На ней оказалась известная песня Михаила Исаковского на музыку Матвея Блантера в исполнении Марка Бернеса.

Те, кто не пошёл купаться на речку, начали крутить пластинки раз за разом. Благо иголка в проигрывателе стояла новая и звук шёл достаточно чистый и ясный.

То отчаянно хрипел Высоцкий, то доверительно рассказывал трогательную послевоенную историю Бернес. И Владимир Высоцкий явно выигрывал в этом неофициальном споре двух песен. У него были энергия, рвущаяся душа, надрыв, надлом, так знакомые всем.

*Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю-погоняю!
Что-то воздуху мне мало: ветер пью, туман глотаю...
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плетть.*

*Но что-то кони мне попались привередливые...
И дожить не успел, мне допеть не успеть.*

Высоцкий царил в этот первый день. Он был богом. Его отчаянный хрип заказывали снова и снова, рискуя добить пластинку до конца. И сама эта гибкая пластинка, как боец, как Высоцкий, держалась изо всех сил и вместе с Высоцким дребезжала и рычала.

*Я коней напою,
Я куплет допою, —
Хоть мгновенье ещё постою на краю...*

Ух! Куда-то пропадали усталость, эта колхозная скука. Хотелось только вместе с Высоцким куда-то рваться, что-то преодолевать и кого-то побеждать.

Вторую пластинку прослушали всего один раз. Вроде как инвентаризацию имущества провели. Есть в наличии у нас и такое – и есть.

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?*

Негромкий голос Бернеса уверенно проигрывал Высоцкому. Это была вообще не песня, а какая-то достаточно чужая и далёкая история.

Саня из заготовительного так и припечатал:

– Высоцкий круче.

В те годы слово «крутой» только стало входить в моду, и говорили его охотно, как жаргон всех смелых и сильных пацанов.

– Нытья и без того хватает, – согласился слесарь-инструментальщик Сергей.

– И потом, что это за имя «Прасковья». Как Параша! Нехорошее имя.

Высоцкий безраздельно правил нами. К нему тянуло, и, кажется, это был эффект магнита. В этой деревенской тишине рёв голоса летел из динамиков проигрывателя как некая доминанта местности.

*Сгину я – меня пушинкой ураган сметёт с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром, —
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони...*

Рядом с такой мощной энергией песня Блантера напоминала бедного родственника. Тем более что у всех на войне воевали только деды, даже не отцы и сюжет песни казался древним-древним, как что-то доисторическое.

*Стоит солдат – и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя – мужа своего.*

*Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья*

К тебе я праздновать пришёл...

Перелом наступил через три или четыре дня. Мы вернулись вечером с работы. Травили анекдоты, играли в подкидного дурака. А для фона из проигрывателя «Рекорд» привычно рычал Высоцкий.

Первым сказал свою мысль вслух Сергей. Он потянулся на кровати и заметил:

– У меня от хрипа Высоцкого в голове только гудит. Он как сверлильный станок.

– Какая у тебя голова нежная! – вскинулся фрезеровщик Антон, но он немного помолчал и заметил уже примирительнее: – А у меня Высоцкий с мотоциклом ассоциируется. Громко это, на надрыве. Но нельзя жить на надрыве! Можно, наверное, только раз рвануться, а потом всё равно остановишься.

Саня своего любимого Высоцкого ругать прилюдно не стал. Он процитировал лишь известный фольклор на тему стихов Исаковского, который существовал в нескольких вариантах. Самый короткий вариант и, видимо, самый ранний, такой:

*Хмелел солдат, слеза катилась,
Хрипел трофейный саксофон,
А на груди его светилась
Медаль за город Вашингтон.*

– Это в Афгане ребята читали, – пояснил Саня.

Разговор плавно перешёл на Афганистан, из которого Саня вернулся с медалью «За отвагу». Он никогда ничего никому не рассказывал, а тут совершенно трезвого мужика повело, и он даже что-то рассказал про «Чёртовы ворота». Больше матом и междометиями, но рассказывал. Кто был «за речкой», знает, о чём речь.

Высоцкого на проигрывателе тогда заглушили. В тот день впервые в полной тишине прослушали песню Блантера в вечном исполнении Бернеса. За окнами темнело. Деревенский пейзаж скрывался в сумерках и, кажется, каждое слово с гибкой пластинки звучало для каждого из шефов по отдельности.

*«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.
Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.*

Песню слушали молча. Два десятка трезвых мужиков. Они не плакали. Конечно, нет. Но молчание было таким, что никто не хотел быть тем, кто это молчание нарушит.

И потом ещё пару минут все молчали. Технолог Стас наконец выразил общее мнение, поднимаясь, чтобы идти на улицу почистить зубы:

– Душевно прозвучало.

– Да, песня глубокая. Часто её слушать не будешь, – согласился Сергей, – но звучит точно.

До конца не понятно, в чём был для всех нас тогда эффект этой песни. Деревенская тишина без телевизоров, мобильных и радио? Деревенская темнота без электрического света в небе – с одними только созвездиями? Отсутствие библиотеки и газет? Отвращение от крикливого и цыганистого индийского кино в сельском клубе? Наша вынужденная многонедельная

трезвость, когда начинаешь слышать в себе что-то непривычное? Жизнь в деревенском доме, вдали от городских многоэтажек? Бог весть.

Только вот ко времени отъезда из колхоза Высоцкого мы почти не слушали. А вот рвущая душу песня Исаковского и Блантера ставилась на проигрыватель часто.

Пластинка с той песней, как правило, и лежала на диске проигрывателя. Её оттуда уже не убирали. Хотелось к вечеру после трудового дня не надрывов и хрипов, а простого человеческого разговора. Когда всё близко и всё ясно.

*Он пил – солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»
Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.*

Потом, в городе, в другой уже жизни, мы пробовали снова слушать песню Блантера. Она звучала уже немного по-другому. Звучала не так пронзительно. Но всё равно внутри какая-то поднималась волна чего-то близкого и родного.

Как мычание коров вдали. Как гогот гусей. Как визг двуручной пилы за сараем. Как шелест ветра в сирени под окном. Как что-то, в чём есть и наша частичка. Большая или нет, но частичка нас.

Кстати, и Высокий потом звучал в городе по-другому. Всё-таки звучал. Но уже по-другому.

Елена Козлова

Родилась в 1961 году в Шатуре. Директор школы, учитель русского языка и литературы. Награды: «Заслуженный работник образования Московской области», «Отличник народного просвещения», «Трудовая доблесть России», лауреат премии губернатора Московской области. Создает автобиографические рассказы. Публикуется в альманахе «Сфера притяжения» литобъединения «Орфей». Участвует в литературных конкурсах.

Победитель конкурса «Крепость русского слова», обладатель премии «Ева. Лидер», получила сертификат читательского признания общественной организации «Литературное сообщество поддержки современных писателей», «Выбор редактора», премии журнала «Время читать», номинация «Вызов традициям» («Четыре»). Книга «По следам моей памяти...» – книга года (2025). С июня 2025 года член Московской областной организации Союза писателей РФ.

Гармонь моя да гармоночки...

Какое веселье в дереве без гармонии? Гармонист в деревне – это бог русской песни, – раздольной, звонкой, незабываемой... А сама гармонь? Это, без сомнения, символ России, символ народной души. Она – часть нас, нашего русского характера! Самое невероятное ещё и то, что это иностранное изобретение девятнадцатого века удивительным образом стало чисто русским. Стало любимым музыкальным инструментом нашего народа.

А уж у кого гармонь – тот первый парень на деревне. Девки табунами выются возле гармониста, поют и пляшут от души. Рассекают косами воздух, поднимая пыль в ритме русского танца. И каждая поёт только для него, для гармониста.

Гармонь в доме моего деда появилась неслучайно. Один из его зятьёв, мой дядя Александр Макеевич, которого в нашей семье звали просто – Макеич, был отменным гармонистом. Приезжал он со своей женой и детьми в родительский дом нечасто. Но когда приезжал, то обязательно с гармонью. И гулянье разворачивалось на всю деревню. Собирались соседи все вместе, гуртом. И вот уже песенно-танцевальная волна захлёстывала всю деревню Воронинскую.

Макеич виртуозно владел инструментом. В его руках гармошка становилась волшебной. Любую мелодию на заказ изобретали умелые пальцы. Дядя Саша гордился собой, а мы им. Умел он и людей завести, как музыкальную шкатулку. Все ему подчинялись, как гипнотизёру. Он и сам не прочь был спеть или выкинуть какой-нибудь фортель в виде частушки с матерком. С картинками, как говорила его жена, наша тётя Шура. Имена у них даже были одинаковые – а звали их Саша и Шура, чтоб не спутать.

Жил дядя Саша с семьёй в Новинке, маленьком рабочем посёлке недалеко от станции Куровское. Работал в Новинковском клубе директором, вёл праздники, вечера, тамадил. И у него было аж две гармони и один баян. Однажды Макеич принял решение: оставить одну гармонь у нашего деда Андрея в Воронинской. Вот так одна двухрядка перекочевала к его тестю и осталась там навсегда.

Наш дед Андрей не играл на гармонии, скорее пиликал. И то, когда примет малость с какого-нибудь расстройств или на радостях. Он и петь-то не умел толком, а подвывал свою любимую песню «По муромской дорожке...» Я и сейчас помню, как он её в струну вытягивал и плакал, а мы, внуки, слушали молча:

*По муромской дорожке
Стояли три сосны.
Прощался со мной милый
До будущей весны...*

Песня эта была «женская», но дед её очень любил и пел столько раз, что мы, кто были свидетелями этого хрипло-плаксивого исполнения, её выучили влёт. Причём он сам себе аккомпанировал! И если слова песни можно было понять, то стон гармошки уловить было невозможно. Звуки разные, не сложенные в мелодию, вылетали сами собой и никак не могли украсить песню. Так дед коротал своё одиночество или показывал нам, внукам, свою боль. Мы и не замечали, что дедушка не умеет играть и что гармошка его не слушается. Мы любили его всем сердцем со всеми его умениями или неумениями. Но каждый из нас, когда гармошка высвобождалась из его рук, сразу её хватал и пробовал растянуть меха и издать хоть какое-нибудь звучание. Такое было впечатление, что гармонь непременно должна заиграть сама. А нам только останется раздуть меха. Потом про неё все забывали и понимали – гармонь ждёт Макеича. Только ему она подчинялась полностью. Только он мог заставить русскую душу смеяться и плакать под залиvistый звук двухрядки.

И вот гармонь, дождавшись хозяина, запевала так, что вокруг Макеича тут же собирался народ: и взрослые, и дети. Все любовались, как ловко он пробегает пальцами по кнопочкам гармоники и меха раздувает как надо, с толком. А женщины сразу подхватывают мотив:

*Эх, гармонь моя,
Да гармониочки,
Ох, золочёные
Уголки.*

*Эх, играй, играй, играй,
Подголоски подбирай,
Золочёные
Уголки.*

Каждая выводит песню с чувством, вытягивая голосом свою партию. При этом все они подёргивают плечиком – то левым, то правым. Ножки их тоже не стоят на месте, они рисуют свой танец. И всё в такт, и всё в такт. Наблюдать за этой картиной было одно удовольствие. А песня лилась, как речка:

*Не гордись, мой ненаглядный,
Откровенно говорю, —
Сам гармошечку забросишь,
Если я не запою.*

И дальше при повторе яркого залиvistого припева вся группа пускается в пляс. А ты разглядываешь каждую и выбираешь глазами одну, самую-самую. И, конечно, это либо мать, либо одна из наших тётушек. Своя рубашка ближе к телу. Родные на то и родные, что делают всё лучше всех! Неоспоримый факт!

А Макеич барабанит мелодию по клавишам-кнопочкам, убыстряет темп для большего эффекта. И, без сомнения, любитесь женой. Она для него персона особая.

Потом гармонист обязательно уделит внимание детям. Ведь они с интересом рассматривают гармошку и то, как он виртуозно владеет ею. Остановится и скажет:

– Ну-ка, бабы, освобождай площадь! Дети выходят в круг.

И мы радостно выскакиваем в центр импровизированной площадки, как горох из стручка. Дядя Саша объявляет: «Частушки детские!» И мы пели наперебой кто во что горазд. Я, как всегда, орала громче всех. И сыпала частушками налево и направо, наслушавшись от взрослых:

*Топая я, топаю!
Да повиляю попою.
Пусть посмотрит мать, отец,
Какая попа молодец!*

Все кругом начинали смеяться в голос. А меня начинало раздирать от счастья. Столько внимания! И я главная певица и плясунья. Однажды мать, услышав некоторые эпизоды моего публичного выступления, позвала меня в дом. Я, не смея ослушаться, рванула к ней.

– Чего, ма?

– Ты что? Ополоумела петь такие частушки? И где ты нахваталась такого?

– Слышала.

– От кого?

– От взрослых.

– Вот именно, от взрослых. Им можно. Тебе нельзя. Ты же девочка! Тебе должно быть стыдно.

– А чего они поют? Им не стыдно?

Мать растерялась. Она, видимо, не знала, что мне сказать.

– Иди гуляй, но частушки больше не пой.

– Все будут петь, а я нет? Дядя Саша говорит, что я лучшая.

– Не морочь мне голову. Беги гуляй. И ерундой не занимайся.

Вернувшись, я заметила, что детское население деревни разбежалось, пока я выясняла отношения с матерью. Макеич уже заиграл новую песню, которая раздольно уходила за горизонт.

А на следующий день я стала донимать дядьку, чтобы он научил меня играть на гармошке. Чувствовалось, что ему не нравится эта затея. И он старался увильнуть от этой темы. Но я ж настырная. Уговорила. Помогла тётя Шура, которую мы ласково называли няня Саня. И она смогла помочь мне осуществить мою мечту.

– Ноты я тебе объяснять не буду. Не до сольфеджий. Покажу несколько аккордов. А ты запоминай.

– А сольфеджии – это что?

– Не важно. Тебе не нужно – и точка! Вот, смотри.

И дядя Саша стал показывать, как он пальцами зажимает три кнопочки одновременно и раздувает меха. Я внимательно следила за его руками. Он показывал, как развернуть меха немного и как побольше, чтобы тянуть звук. Потом передал мне гармошку и попросил повторить трёхпальцевый зажим кнопочек. Пошёл звук. Я была счастлива! Потом второй аккорд. Третий. Так потихонечку я старалась запомнить всё, что он мне показывал. И чисто на интуитивном уровне я постигала азы игры на гармошке. Он меня похваливал, ржал, потом опять показывал аккорд. И когда он почувствовал, что я мало-мальски усвоила этот музыкальный урок, сказал:

– Ну вот. Теперь можешь наигрывать свои любимые частушки и петь. Принцип такой – темп поймать. Запомни мотив и вперёд. – Он взял первый аккорд и завопил неожиданный текст:

Тына, тына, у Мартына заболела голова!

Тына, тына, для Мартына подойдёт и сон-трава!

– Это что?

– Это ритм. Выучи и играй. Повтори!

И я «протынкала» на гармошке всю мелодию.

– Ну вот и молодец. Ох, устал я. Давай на сегодня хватит?

– Ладно, – согласилась я.

А утром следующего дня дядя Саша с тётей Шурой уехали. Я сначала расстроилась, потом успокоилась. И села закреплять урок. Этой дурацкой частушкой про Мартына я вынесла всем мозг. Меня гнали во двор. Бесполезно. Я не слышала никого. Дед вмешался:

– Леночка, ты давай закругляйся, – и он передразнил меня:

– Тына, тына у Мартына потерялись портыны. Как таперича Мартын будет шастать без портын?

И тут все наши так засмеялись, и я с ними. А дед громче всех! Шутка удалась. Сочинённая дедом Андреем частушка-экспромт сразу обрела популярность в нашей семье. Когда я всем надоедала своим музицированием, пели именно то, что придумал дед.

Шли годы, я натренировалась играть именно частушки. Ничего больше. И иногда заменяла на время нашего Макеича. Было весело. Однажды я заметила, что у гармошки в некоторых местах потёрлись меха. И при игре они выпускали дух и издавали нехарактерный для гармони звук. Я сказала деду:

- Дед, гармонь прохудилась.
- Я видел, когда брал поиграть.
- Зачем берёшь, если играть не умеешь?
- Чего это я не умею? Умею.
- Пиликаешь.
- А ты не пиликаш?
- Я нет.
- Ну вот сама и чини свою гармонь!

Я понимала, что обидела деда, но слово не воробей. Вылетит – не поймаешь. Потом долго не виделась. Дед, конечно, всё забыл. А у меня на душе было беспокойно. Ловила себя на мысли, что надо попросить у него прощения.

Не помню, сколько времени прошло. Мы с матерью решили в очередной раз его навестить. Всё было как всегда, по традиции. Когда сели за самовар и пили чай со смородиновым листом, я спросила:

- Дед, а где гармонь-то?
- Потому что её нигде не было видно. Я подумала, не выкинул ли он её.
- Вон там посмотри, на печке. – И он показал кивком головы в сторону своей кормилицы.
- А зачем ты её туда убрал?
- Я не убрал. Она там сохнет.
- Ты что, её намочил? – спросила я.
- Нет. Меха чинил к твоему приезду.
- Ну ты, дед, даёшь! Сам ремонтировал?
- А чаво особенного? Для тебя старался.
- Спасибо, дедушка! Ты меня прости, я тебя обидела в прошлый раз.
- Да я и не обиделся вовсе.
- Я была не права, дедушка. Извини, больше не буду.

Мать посматривала на нас с опаской. На её лице было написано, что она чего-то не знает. А спрашивать не стала. Деликатная она у нас.

– Чаво мне обижаться-то на правду? Я ж на самом деле пиликаю. Не слушается меня гармонь. Ты – другое дело. Тына про Мартына играть выучил тебя Макеич. – И он засмеялся.

Мы с матерью подхватили смех. Я встала и пошла за гармонью. В самом тёмном углу печки нашла её горемычную. Вынесла на свет божий. Смотрю, что такое? Она на себя не похожа.

- Дед, а чего это с ней?
- Всё с ней нормалёк! – торжественно произнёс он.
- Какой нормалёк? Это ты чем меха-то заклеил?
- Чё было под рукой, тем и заклеил.
- Ма-а-а-а, ты глянь! Он их лотерейными билетами заклеил.

И мы стали рассматривать меха гармошки. Немая сцена, как в «Ревизоре» Гоголя. У нас был ступор. После длительной паузы мать спросила:

- Папань, а чёрное – это что? Из-под лотерейных билетов выпирает?
- А-а-а-а-а... это гудрон. Я билеты проигрышные гудроном намазал и приклеил, чтоб надёжней было. Таперь не оторвать.

Опять наступила длительная тишина. Мы с матерью переглядывались и переваривали информацию. Дед сидел невозмутимый, отхлёбывал чай из блюдца, прикусывал сахар и опять

громко отхлёбывал. Иногда в промежутках кряхтел от удовольствия с чувством выполненного долга.

Я села, надела ремни от гармошки на плечи, попробовала развернуть меха. Они издавали странный звук, похожий на шипение. В одном месте складка гармони надулась пузырьком. Я была в шоке. Дед невозмутимо смотрел на это безобразие, и, казалось, его ничего не трогало. А меха по-прежнему не слушались. Да и звучание привычное у гармошки пропало. Мать смотрела на меня, как я силилась понять, что стало с нашей гармоникой. Вот тебе и «гармонь моя да гармоночки, золочёные уголочки».

– Дед, да на ней теперь и играть-то невозможно, – вздохнув, сказала я.

– Не жалуйси, играй. Давай про сваю тына у Мартына.

Я не знала, что делать. Мать улыбалась. Она показывала мне мимикой, чтобы я играла, как получится. Ну я поняла, что надо играть и завопила:

*Тына, тына, у Мартына
Поломалась гармозына.
Дайте мне билет, гудрон,
Будет новый гармозон.*

Дед схватился за живот и рассмеялся в голос, и мы просто не могли его не поддержать. Мы так смеялись, что из глаз полились слёзы.

– Ой, не могу! Валентина, в кого она у тебя такая артистка?

– В тебя, папань! В тебя!

– Ой, не в меня! Ой, лучше! – И он продолжал хохотать.

А у меня такой кураж пошёл, что остановить невозможно ни меня, ни гармошку. И я запела: – Милый дедушка, ты чё навалился на плечо? Али люди чё сказали? Али выдумал ты чё-ё-ё?

И вдруг он подхватил: – А я, милая, ничё. Я обжогси горячо! Полюбилась молодая, она вроде бы ничё-ё-ё!

– Дед, ты чё или ничё? Что ты выдумал ещё! Молодая баба в доме – ты уж точно уж ничё!

– Ох ты, внучка моя, чё, осерчала ты на чё? Похвалила бы дедулю. Ты ж буробишь чёрти чё!

И мы опять громко захохотали после нашего музыкального диалога. А какое удовольствие получили! Мать сказала, что мы с дедом одного поля ягоды. Мне было приятно. И пели заливисто, и гармонь, пыхтя, играла. Хоть и по-новому, с шумом, выпускала воздух из глубины своего музыкального сердца. И ни один лотерейный билет не отвалился. Нагудронил дед на славу!

Я и сейчас вспоминаю тот день. Из жизни не вычеркнешь. Когда деда Андрея не стало, гармонь я отнесла в школу, в музей русского быта. Мы его как раз торжественно открывали. Билеты с гудроном я аккуратненько оторвала, чтобы придать гармонии первоначальный вид, подкрасила, подшаманила, кое-где лаком покрыла. «Уголочки» зазолотились, как и положено. Вот там она и обрела уже другую жизнь. Одним словом, экспонат. Я, проходя мимо, смотрела на неё с грустью, и мелодия сама по себе возникала в моей голове:

*Эх, гармонь моя,
Да гармоночки,
Ох, золочёные
Уголочки.*

Эх, играй, играй, играй,

*Подголоски подбирай,
Золочёные
Уголочки.*

Марина Колесникова

Петербурженка, кандидат экономических наук, доцент СПбГУ. Работая всю жизнь со студентами, старалась находить интересные творческие подходы к преподавательской деятельности.

Руководила серьёзными студенческими исследовательскими проектами для предприятий и организаций города. В последние четыре года полностью погрузилась в творческий поэтический поток. Пишет разнонаправленные серьёзные стихи. Является обладательницей 3-й премии в конкурсе «Наследие литературы XXI века» (номинация «Поэзия»), медали Екатерины Второй за вклад в библиотечные фонды, номинант литературных конкурсов «Хрустальный мир писателя», «Мастер русского слова». Награждена нагрудным знаком «Золотое перо русской литературы».

Восходящее слово

О слове всегда говорю с упоением,
Ведь в слове скрывается радость и гнев!
Словами наполню своё вдохновение,
И даром горжусь, не стесняясь, при всех!
 А дружба со словом – и это ль не чудо!
 Найти то, что нужно, – ведь это мечта!
 Я первое слово дитя не забуду,
 В нём сила любви, в нём сама красота!
Играю словами, как это прекрасно!
Храню и стремлюсь к чистоте языка!
Природа дала мне немало, согласна!
Но все ж к совершенству тропа далека!
 Слово может поднять, а может разрушить,
 Может крепко связать в доброй сделке купцов!
 Может лаской объять и покой не нарушить,
 Может всех примирить: и детей и отцов!
Как удобней сказать, что бросаться словами
Нам негоже по жизни такой непростой!
Иногда может проще общаться глазами,
Оставляя решение ссор за собой!
 А когда напряжение снова в порядке,
 Все слова собираются в яркий букет
 Из цветов, что так мирно сияют на грядке,
 И обратного хода, по счастью, нет!
Всё в словах, в нежных маленьких звуках,
В теплоте, доброте чутко сказанных фраз,
Мы ошибки стремимся исправить на внуках,
И слова помогают не в первый уж раз!
 А в божественном слове немало секретов!
 И оно, как звезда, свет несёт в темноте!
 Оно лучше всех многих и частых советов,
 Убеждая надолго в своей правоте!
И пускай наше слово совсем не всесильно!
Но вхождение в мир нам поможет пройти!
В нём заложен огонь! Знать, оно не бессильно,
Если верное слово найдём на пути!

«Любите жизнь! Любите всей душой!..»

Любите жизнь! Любите всей душой!
И не стесняйтесь этого порой!
Прислушивайтесь к искренним желаниям
И открывайтесь встречам и метаньям!

Дышите полной грудью, наслаждаясь,
Что вы в плену красот родного края,
Что так прекрасна матушка-природа
И дарит счастье нам всё больше год от года!

Любите жизнь! Она полна чудес!
Шумят дубравы и сосновый лес,
И свет всегда сопутствует в пути,
Нам помогая по нему идти!
И оптимизм захватим мы с собой!
С ним можно обойти провал любой!

Любите жизнь!
Мы в ней совсем не зря!..

На пороге осени

Ещё пока тепло, но осени дыхание
Уж ощущается почти что каждый день!
И вновь войдём в её очарование,
И золотисто-рыжей станет древов сень!
Осенние тона заглушат зелень леса!
Вся яркость зелени вольётся в жёлтый цвет!
Туманы спустятся молочную завесой,
И припозднится с солнышком сентябрьский рассвет!
Осенние цветы красиво заиграют,
Гортензии и астры наконец войдут в почёт!
Они по-прежнему так дружно расцветают,
Как будто знают, что тепло ещё придёт!
Но дождик уж частит за окнами уныло,
И облака на небе тяжелы порой,
И ветер хочет дуть с удвоенною силой,
И на дорожках парка шелестеть листвою!
Процесс пошёл, его не остановишь!
Лишь в бабье лето станет вновь тепло,
Себя на миг, на день ты успокоишь
И скажешь: «Всё же повезло!»
Готовимся, готовимся к прощанью
С недолгим летом, солнцем и жарой
И к встрече с грустью от природы увяданья,
Но все ж с мечтой о возрождении весной!

Накануне зимы

Вот чуть-чуть побелело несмело,
Так крадётся шажками зима!
Снег сначала идёт неумело,
А потом наворачивает сполна!
 Нам природа даёт подсобиться,
 Подобрать гардероб потеплей!
 Чтоб зимой от души наслаждаться,
 А не прятаться в дом поскорей!
Лёгкий иней на ветках искрится,
И парок от дыхания идёт,
Солнца луч очень хочет пробиться,
Светлых дней сокращается счёт!
 Эх, зима, ты уже на подходе!
 Грусть и радость приносишь с собой!
 Видно, надо вздремнуть и природе,
 Чтоб потом возродиться весной!
Новый год – это чудо и сказка!
Это ёлки, веселье, салют!
Новый год – про любовь и про ласку,
Все мечты собираются тут!
 Загадаем желания скромно
 И в записочки их занесём!
 И подарки запрячем укропно,
 И момента чудес подождём!
Очень хочется, чтобы случился
Мир! И счастье пришло в каждый дом!
Чтоб младенец Христос родился,
Свет души подарил всем кругом!

Петербургские книжные аллеи

Пройдусь я по книжным аллеям
И воздух знакомый вдохну
И рифма, так мною владея,
Заглянет тотчас на бегу!
И бег прекратить я не в силах,
И строчки бегут и бегут
О книгах, так мною любимых,
Идеях, что к звёздам зовут!
Нам книги так много сказали,
С собою вперёд увлекли!
Мы многого прежде не знали,
Сейчас рассуждаем в тиши!
Читать никогда не устану,
Мне нравится шелест страниц!
От поиска звёзд не отстану,
Характеров, личностей, лиц!
Писательский труд благородный
Даёт помечтать и познать
Традиций забытых народных
И дальше по жизни шагать!
На книжных аллеях немало
Я встречу восторженных лиц,
Присяду в тенёчке устало,
Прислушаюсь к пению птиц.
Ведь эти аллеи бесспорно
Нам дарят всегда вдохновенье,
Витает тут магия чтения,
Что нас заражает упорно!
И я всё листаю, листаю,
Ищу книгу ту, что возьму!
Какую? Пока я не знаю,
Но верю, что точно найду!

ПОЭЗИЯ во мне

В поэзии живу,
Поэзией дышу!
С поэзией о будущем мечтаю!
Поэзию люблю,
Поэзией грешу,
Поэзией я жажду утоляю!
Поэзия даёт себя познать,
Я ею наслаждаюсь днём и ночью!
Когда сей дар придёт ко мне как благодать,
С ним нежно пообщаюсь я воочью.
И мысли, заключённые в строфу,
Бегут так смело, рифму соблюдая,
И ничего поделать не могу,
Пишу, душой планету обнимая!
Красив наш мир, мы в нём живём не зря!
Тут реки и поля, леса и горы!
Безмерно дорога всем русская земля,
И так близки нам русские просторы!
Для каждого из нас есть где-то уголок,
Что всех милее сердцу, ликом ближе,
Куда нас так и тянет на часок,
Где шум цивилизаций еле слышен.
Где воздух детства сладостно вдохнём,
Смахнём слезу, с грустинкою вздыхая,
Поймём, как изменилось всё кругом
И изменились сами, вырастая!
Лишь в поэтической строке смогу я дань отдать
Моим столь ценным, светлым, радостным
вспоминаньям!
В стихах друзей восторженно обнять!
И подарить улыбку на прощанье!

Поэзия, в тебе сокрыты сила и душа!
Поэзия, с тобою льётся песня!
Ты украшаешь мир! Отчаянно хороша!
С тобой идти по жизни интересней!

Путешествие на поезде

А за окнами мерно бегут перелески,
Поезд мчит меня в дальнюю даль,
И, раздвинув вовсю до конца занавески,
Отгоняю от взгляда печаль!
Как красивы в мелькании картины
Нашей русской природы в глубинке,
Тут вдали не сверкают витрины,
А сидят журавли на жердинке!
Взгляд всё ловит, за что зацепиться,
Ведь такое не может присниться!
Всё хочу осознать и запомнить,
И стихи настроением наполнить!
Так хочу с вами я поделиться,
Незнакомые, добрые лица,
Тем, что чувствую, чем восхищаюсь,
Чем всегда я в пути наслаждаюсь!
Поезд мчится, и так атмосферно,
Все заботы на миг отошли.
К ним вернёмся попозже, наверно,
А сейчас помечтаем в пути!
Путевые заметки не внове,
Их писали давно уж не раз,
И у классиков есть наготове
Впечатления, что тронули нас!
Словно пчёлки, так мысли роятся,
Так и хочется их отогнать,
За компьютер не стану я браться,
С созерцанием не совладать!
Невозможно отвлечься от окон,
Очень трудно беседу начать!
Словно вдруг завернулась, как в кокон,
Чтоб чуть-чуть посмотреть, помолчать!
Если долгою будет поездка
И с соседями повезёт,
Всё узнаешь про чью-то невестку,
Разговор будет ночь напролёт!
Да, историй услышишь немало,
И свои порасскажешь в ответ,
И знакомых отыщешь, бывало,
Передашь долгожданный привет!
Поезд мчится, и так атмосферно!
Удалось подружиться в купе!
Эта дружба продлится, наверно,
Раз поездка свела нас уже!

«Стихи Цветаевой так ярко прозвучали...»

Стихи Цветаевой так ярко прозвучали,
В них было всё: тревоги и печали.
Всего лишь в двадцать лет раскрывшаяся зрелость,
Провидение и чувственная смелость!
Такая искренность и терпкость наслаждения,
И обнажённость трепетной души,
И точность слова, мягкость выражения,
И выверенность каждой сказанной строки.
Такая песенность, такая гармоничность,
Наполненность потоком бытия,
Тетрадь стихов, восторженная личность,
Несбыточность мечты, сжигание себя.
Стихи Цветаевой читаю и читаю,
И о себе теперь так много понимаю,
И над её судьбой с печалью размышляю,
Но, боже мой, доподлинно о ней я ничего не знаю!
Всё было в жизни: радость и страдания,
Шипы и розы, ревность и любовь...
Нам отдала она своё очарованье,
А мы к её стихам стремимся вновь и вновь!
Она не наш, по сути, современник,
Но так близка поэзии душа,
Она как залетевший в вечность пленник,
Как творческий цветок, безумно хороша!

Марина Левина

*Я очень часто вспоминаю
Свою Москву, но тех времён,
Когда она была живая,
И по дорогам шли трамваи,
А в праздники, не умолкая,
Был слышен колокольный звон.
Когда на площади Советской,
Которая была Тверской,
Журчал фонтан, а в Камергерском
За Синей птицей шли гурьбой.
А после школы до «Сатиры»,
Лишь остановка на метро,
Спешили мы к своим кумирам,
Чтоб посмотреть там «Фигаро».
Миронов, Ширвиндт, Корниенко —
Вот это золотой состав,
Там Херубино в платье женском
Застал в своих покоях граф.*

*Не перечислить всех мгновений,
Что тесно связаны с Москвой,
Москвичка в третьем поколении —
Так было мне дано судьбой.
Сейчас другие ориентиры,
Москва блестит, как медный таз,
И только старенькой «Сатире»
На купол денег нет подчас.
А на Арбате и на Чистых
Не встретишь большие москвичей,
И для меня в каком-то смысле
Мой город стал уже ничей!
В своих рассказах очень нежно
Я вспоминаю ту Москву,
Где так легко и безмятежно,
Где я по-прежнему живу.*

Почти отличница

Почему почти? По многим причинам:

Наша 170-я школа была наицентральнойшей. Находилась она на Пушкинской улице (сейчас Малая Дмитровка). В середине 60-х ещё не было отдельно школ для детей членов Правительства или членов ЦК КПСС. Все дети учились вместе, хотя принадлежали к разным социальным группам и жили в разных условиях. В доме номер 8 по улице Горького жили правительственные семьи. Обычно одна семья занимала целый этаж (примерно 10–12 комнат). По другую сторону памятника Юрию Долгорукому был дом номер 6, в котором жила наша семья. Все квартиры были отдельные – двух- или трёхкомнатные. Тогда это казалось роскошью. Жили там в основном семьи дипломатов, писателей, артистов, учёных, иногда зубных врачей. Ну и рядом Бахрушенка, 12 – один из бывших доходных домов России, превратившийся в советское время в знаменитые советские коммуналки. Обычно там в одной квартире проживало 5–7 семей. Как ни странно, мало кто из детей задавался вопросом, почему одни живут так, а другие иначе, хотя мы все ходили друг к другу в гости и наблюдали эту картину. Мне, например, нравилось бывать у моей подруги в коммунальной квартире. Там всегда было шумно и весело: кто-то непрерывно болтал по единственному висящему на стене в коридоре телефону, кто-то тащил к себе в комнату шкварчащую на сковородке яичницу, а кто-то гремел тазами в доставшейся ему или ей на непродолжительное время ванной. Развешенные по стенам тазы были её главной достопримечательностью. Ну и кухня с огромным количеством газовых плит, стоящих вдоль стен, свистящими чайниками и запахом жареной картошки. Вытяжкой тогда служило одно-единственное окно.

Двери открывались и закрывались, в квартире шла своя, наверное, непростая, но нам, детям, казавшаяся весёлой жизнь.

И наоборот, когда моя подруга первый раз пришла к нам в отдельную квартиру, она с сожалением воскликнула: «Надо же, какой маленький коридор, даже на велосипеде нельзя покататься, бедные!»

Когда же я, в свою очередь, была в гостях у своего школьного друга в доме правительства, то удивлялась, зачем семье из трёх человек двенадцать комнат, если проживают они в лучшем случае в трёх из них.

Но учились мы все вместе в одной школе, и в классе различия в социальном положении не сказывались никак: мы носили одинаковую форму, учителя относились к нам одинаково, наши родители сидели рядом за партами на родительском собрании.

Надо сказать, что в нашем классе учился внук Н. С. Хрущёва – в то время действующего Генерального Секретаря коммунистической партии. Звали его тоже Никита, в честь дедушки. Он был немного полноватым мальчиком с рыжими волосами и такими же рыжими веснушками. Никита был очень умным, он одинаково хорошо знал историю и географию, математику и литературу. Он даже побывал с дедушкой в Египте, что в то время для нас было равносильно полёту на Луну. Потом в классе на уроке истории Никита рассказывал нам про пирамиды и фараонов, и это было удивительно. А ещё он увлекался футболом и знал все мировые команды и фамилии игроков. Когда Хрущёва сняли, я пришла домой и сказала родителям: «Так жалко Никиту, его дедушку сегодня уволили». Нам было по одиннадцать лет. Постепенно при Брежневце всё стало меняться. Мы вступали в период застоя, кумовства и плохо скрываемого антисемитизма. В 70-м у Никиты не приняли документы в МГУ, о котором он мечтал и был как никто достоин. Он рано ушёл из жизни. Говорили, сердце. Мы практически не общались после школы.

Я могла бы много рассказать и о других интересных личностях нашего класса и школы, но ведь я начала с того, что всё время не дотягивала до отличницы на фоне некоторых одноклассников с выдающимися способностями.

Ещё одной причиной был высокий уровень требований учителей. А учителя у нас были блестящие. Я до сих пор помню каждого по имени-отчеству и очень благодарна за прекрасные уроки, за умение заинтересовать класс из тридцати ребят, за свободу суждений, а главное, они научили нас думать и ценили в нас личности.

Но получить пять было не просто!

Вся последующая жизнь доказала, что не все пятёрки, полученные в разных школах, были одинаковые, да и это не главное. Главное, в нашей школе мы получили уроки свободы, добра, мудрости, умения логически мыслить и выстраивать отношения с окружающими людьми. Ох, как же это мне пригодилось в дальнейшей жизни!

Появились стремление достичь высоких результатов во всём, что делаешь, и ответственность за свои поступки.

Так что почти отличница в школе стала почти отличницей в жизни. Почему почти? Потому, что отличницей в жизни стать ещё более сложно, так как экзамены принимает у тебя сама жизнь!

Девочка в босоножках

В юности меня считали очень красивой девушкой: пышные чёрные волосы, зелёные глаза, пухлые губы, стройная, с мелкими коричневыми веснушками. Незнакомые молодые люди восторженно смотрели вслед, пытались познакомиться, а знакомые писали стихи и даже целые поэмы:

*Была зима,
А может, лето?
Нет, всё-таки была зима,
Шекспир уж не писал сонеты,
А ты сводила всех с ума!*

Но меня это почему-то мало трогало. Главное было – хорошо учиться и обязательно получить высшее образование, поэтому ещё в школе я изучала высшую математику, комбинаторику и теорию вероятности, а также английский и историю. На свидания не ходила. Мама неизменно отвечала по телефону: «Мариночка занята, она занимается». Каждое лето мы выезжали на дачу в Фирсановку, где за годы сложилась дружная компания – на велосипедах ездили купаться на Мцыри, допоздна играли в пинг-понг, говорили о книгах.

Мальчишки тайно вздыхали, я этого почти не замечала и, возвращаясь с дачи в Москву, никому не оставляла телефон. Боже, я даже не представляла, что один из них – Андрей, которого у нас в компании звали принцем за его русые волосы и большие голубые глаза, почти каждый день встречал меня у какой-то станции метро. Ему показалось, что в разговоре я как-то её упомянула.

Конечно, я жила совсем в другом районе.

И вот 10-й класс позади, позади экзамены. Я так устала, что меня решили на недельку отправить на дачу. Перед поездкой родители купили мне новенькие босоножки – беленькие, на небольшом каблучке, с красивой металлической пряжкой. Я их тут же надела и снимала только на ночь, любуясь на них, как на самую большую драгоценность.

Приехав на дачу и войдя в калитку, я сразу увидела спешившего мне навстречу Андрея. Оказывается, он тоже сдал экзамены и уже несколько дней караулил меня, коротая дни и вечера с моей бабушкой. Я неожиданно обрадовалась встрече. Мне было лестно, что обо мне так заботятся и ждут. Перед нашим участком было огромное поле с узкой тропинкой, которая, казалось, вела куда-то далеко за горизонт. Вот по ней-то мы и пошли прогуляться. На душе было легко и радостно оттого, что тяжёлые экзамены позади, а впереди ещё не понятная, но уже другая, загадочная жизнь. Мы шли и шли, болтая о том о сём. Незаметно стемнело. Вдруг сзади послышались шаги. Я инстинктивно сжалась и обернулась. За нами шли два местных парня. Я их раньше видела в посёлке и даже при редких встречах здоровалась. «Вроде свои», – подумала я. «Марина! Ты приехала? А я не знал», – произнёс один из молодых людей. В голове закрутилось: «Не знал! А почему он вообще об этом должен знать, практически совсем не знакомый мне человек». Но не успела я ничего толком сообразить, как парень со всей силы ударил Андрея под дых. Тот согнулся от боли и только выдавил: «Маринка, беги!» И я побежала. Я – слабая московская девчонка, бежала так, что парень смог догнать меня только в конце поля – недалеко от калитки. Он схватил меня за ремешок платья, толкнул, и мы кубарем покатились в траву. Босоножки улетели куда-то в другую сторону. «Мамочка», – только и смогла я выкрикнуть. Мыслей уже не было – только сковавший всё тело страх. И вдруг парень как будто очнулся. Он встал, дал мне руку и стал что-то бормотать, что не хотел, что он меня давно любит, а моего парня всё равно убьёт! Воспользовавшись замешательством, я влетела в калитку, а за

мной через минуту вбежал окровавленный Андрей, который всё это время дрался со вторым парнем. Как потом выяснилось, они оба учились в институте физкультуры. Хорошо, что мы этого тогда не знали. Войти на участок они не решились, только сломали несколько колышков в заборе. На шум выбежала моя бабушка и мой дядя. Больше на даче никого не было. Картина маслом – я босая, в разорванном платье и с растрёпанными волосами, и Андрей с огромным фингалом под глазом и растекающимся по рубашке пятном крови из разбитого носа.

Всю ночь мы не могли прийти в себя, и бабушка искала какое-нибудь потайное место, куда нас можно будет спрятать, если хулиганы вернуться.

Утром я показала дяде и бабушке примерно дом, в котором жили напавшие на нас ребята, и они туда отправились с твёрдым намерением разобраться. Прошло немного времени, и я увидела, как к нашему дому идёт напавший на меня ночью парень вместе с родителями, а рядом бабушка громко выкрикивает угрозы: «Я в институт сообщу, в милицию, и вообще больше на пушечный выстрел к моей внучке не подходите». Сообщить в институт было ещё страшнее, чем в милицию. Могли отчислить. Они действительно пришли просить у меня прощения, но я к ним не вышла, так как ещё пребывала в каком-то оцепенении от произошедшего. И вдруг я вспомнила про босоножки и заплакала. Первый раз за всё это время. Напряжение немного спало, и осталась обида за всё – за разрушенный прекрасный вечер, за пережитый страх, за потерянные новые босоножки. Мы их потом искали, но не нашли, как будто поле их поглотило вместе со вчерашним кошмаром.

Прошло много лет, и как-то я рассказала эту историю своей знакомой – человеку с очень ранимой и чувствительной душой.

Она слушала внимательно и неожиданно сказала: «Я теперь всё про тебя поняла – ты так и осталась девочкой в босоножках».

И, наверное, она имела в виду то, что годы не смогли изменить моё отношение к жизни: я так же ненавижу зло, предательство, плохое отношение к животным, глупость и многое другое, с чем по жизни пришлось столкнуться. Но больше всего я ненавижу людей в модной, чистой обуви, после которых остаются грязные, а иногда кровавые следы.

Марина Ледовская

Родилась в Подмоскowie в семье бухгалтера и слесаря завода ракетно-космической техники. Окончила Государственный университет управления, работала в космической отрасли. Живёт в г. Королёве.

С детства интересовалась литературой, в шесть лет знала наизусть «Сказку о мёртвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина. В школе и в пионерском лагере была редактором стенгазеты.

Первый свой роман написала в школе. В 2016 году вышли две книги, одна из которых, «Я тебе посылаю любовь», вошла в десятку самой читаемой литературы Чувашии. Рассказы, зарисовки, творческие портреты актёров – получился целый сборник, а ещё книга о театре глазами зрителя.

В произведениях Марины Ледовской есть любовь, вера в добро, в человека, в его умение сохранять своё достоинство в самых сложных ситуациях.

Два жёлудя

В народе говорят, что только женщина может так согреть, когда уже почти всё потеряно.

Начало осени. Дни выдались тёплые, ласковые. Лето не хотело уходить, это ощущалось во всём: в солнце, которое, казалось, заливало всю округу, в кронах деревьев, их только-только коснулась осенняя пестрота – зелень ещё преобладала, дожди не начались. Воздух был сухим и каким-то невероятно вкусным, в свои права вступало бабье лето.

Метеорологи объясняли подобные погодные явления влиянием устойчивого антициклона: ночью земля ещё недостаточно промерзает, а днём не нагревается до высокого предела. Бытует мнение, что увядшие листья способны выделять большое количество тепла, которое, поднимаясь вверх, повышает атмосферное давление и разгоняет облака. Поэтому мы можем наслаждаться тёплой и сухой погодой в начале осени, а также видеть чудные полёты паутины паука-бокохода. А иногда даже быть свидетелем повторного цветения некоторых растений.

Как появилось выражение «бабье лето»? Существует несколько версий.

С окончанием тяжёлых полевых работ крестьянские женщины наконец могли выкроить время для домашних дел. Чаще всего они обрабатывали и ткали лён, занимались соленьями. Принято было в эту пору налаживать отношения с близкими людьми, мириться с врагами. На Руси эти тёплые осенние дни считали праздником, поэтому народ устраивал посиделки, пел песни.

Женщинам в былые времена приписывали умение влиять на природные явления. Будто бы прекрасный пол умеет возвращать времена года, насыщать нужную погоду.

Название «бабье лето» объясняли и тем, что именно эта пора позволяет отдохнуть и погреться на солнышке старым женщинам. Лёгкая, тонкая паутина, струящаяся в воздухе и предвещающая тёплые деньки, ассоциировалась с прядями седых волос, а погожая погода – с прекрасным зрелым возрастом, периодом расцвета женщины. Природа в это время тоже проявляет своё женское начало: она плодоносит. И это её время – бабье лето.

Интересно, что бабьим летом называли эту прекрасную пору и у западных, и восточных славян. Болгары и македонцы называют её цыганским летом, сербы – Михайловым летом, Мартиновым летом, голландцы – послелетьем, американцы – индейским летом, итальянцы – летом Святого Мартина, французы – летом Святого Дени. Не секрет, что взаимопроникновения и влияния языков нельзя переоценить, и откуда появилось слово или выражение, можно проследить, используя однокоренные слова и устойчивые выражения с этим словом. Так, в немецком языке тоже есть подобное выражение: Weibersommer – буквально, «бабье лето». Первоначально же по-немецки это время называлось Weibensommer, где само Weiben в старину на немецком языке называлось плетение паутины (Spinnweben).

Всё это я с интересом прочла совсем недавно в одной из газет и теперь, когда отвела внучку на рисование, думала о том, вспоминая статью, как же интересно жили люди, как они близки были к природе, как они умели наслаждаться самым простым, умели зреть в корень. Задумалась так, что не заметила, как ко мне подседа женщина. Лицо знакомое, примелькалось – она водила ребёнка в нашу группу, но мы никогда с ней не разговаривали, даже не здоровались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.